

Осип Львович Вайнштейн

Парижская Коммуна и Французский банк

Историк-марксист, 1926, том I. С.11-47

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

Как известно, Французский Банк, «цитадель богатой буржуазии», не только вышел невредимым из гражданской войны, не только сохранил в неприкосновенности свои миллиарды и свой кредит, но еще оказался, через короткое время после этого, в состоянии выплатить обширный дивиденд своим акционерам. Политика Коммуны, не попытавшейся даже наложить руку на это учреждение, чтобы использовать его огромные ресурсы в целях нападения или, по крайней мере, своей защиты от реакционной «деревенщины» Версаля, всегда казалась необъяснимой и друзьям, и злейшим противникам пролетарской революции. Последние часто представляли себе дело так, что Коммуна стремилась овладеть Банком, но ловкость администрации и «честность старика Белэ» помешали осуществлению этого проекта ¹⁾. Маркиз де-Плек присоединял еще к этому, в своем показании парламентской следственной комиссии мужество служащих, готовых грудью отстаивать святыню французского капитала, наметкнул даже на толстые стены с бойницами, защищавшие подступы к Банку. ²⁾. Но даже такой реакционный историк, как Добан, не принял всерьез этих объяснений: «Двух пушек, замечает он, было бы достаточно, чтобы разбить сопротивление Банка, а четыре нац. гвардейца, во главе с капралом, могли бы одни завладеть всеми финансовыми учреждениями Парижа» ³⁾. По его мнению, Банк был обязан своим спасением тому, что «Коммуна отнеслась с уважением к частной собственности». «Не будем же бранить ее за это», спешит он прибавить...

Совершенно верно, Коммуна на частную собственность не посягала. Но был ли Французский Банк частной собственностью? И в принципе ли неприкосновенности частной собственности, который проводила — правильно или ошибочно — пролетарская Коммуна, заключается все дело?

В вопрос о политике Коммуны по отношению к Банку, пожалуй, и доньше не внесено достаточно ясности. В этом повинны прежде всего сами участники революции 1871 г., когда они, вскоре после своего поражения, стали слишком страстно критиковать деятельность Коммуны и особенно

¹⁾ См. Enquête sur la Commune de Paris... par Felix Valloton, 2-e édit., p. 16. Cp. Illustration, t. LVIII, p. 299 (1871 г.) Martial Delpit. Rapport fait au nom de la Commission d'Enquête, p. 27.

²⁾ Enquête Parlementaire sur l'Insurrection du 18 Mars 1871. Edition contenant in extenso les trois volumes distr. à l'Assemblée Nat., p. 390 ss.

³⁾ C. A. Dauban. Le fond de la Société sous la Commune, p. 404.

некоторых из ее членов. Уже в декабре 1871 г., на одном из собраний революционной французской эмиграции в Лондоне, Ландек выступил с заявлением, что Коммуна поступила неправильно, оставив неприкосновенными миллиарды, хранившиеся в Банке¹⁾. Позже участники Коммуны, хотя и принадлежавшие к самым различным политическим группировкам, высказывались в том же смысле. Малон и Паскаль Груссе²⁾, Кюзере³⁾ и Дакоста⁴⁾, Ранк⁵⁾ и Безинье⁶⁾ проявляют здесь удивительное единодушие. «Как могла Коммуна, возмущается Кюзере, взять под свое покровительство Французский Банк, снабжавший версальцев деньгами, плативший их солдатам, словом, убивавший народ в то время, когда он стоял на часах для его защиты»⁷⁾. «Если бы, рассуждает Ранк, Коммуна обладала духом революционной инициативы, то она... захватила бы фонды Французского Банка, и тогда Тьеру, несомненно, пришлось бы вступить с нею в переговоры»⁸⁾. Но особенно резко формулирует обвинение против Коммуны один из ее наиболее талантливых историков, Лиссагарэ. «Члены Совета (т.е. Коммуны) пишет он, в своем ребяческом волнении истинных заложников, находившихся перед самым их носом, не заметили; а это были: Банк, регистратура и домены, касса податных сборов и депозитная касса. Вот с какой стороны можно было захватить в свои руки жизненный нерв буржуазии, и тогда только можно было бы посмеяться над ее изворотливостью и над ее пушками... Но трусливые депутаты от 26 марта не созданы были для того, чтобы сметь. Центральный Комитет сделал большую ошибку, давши версальской армии возможность убраться из Парижа; совет же умудрился сделать еще во сто раз большую ошибку. Все повстанцы, серьезно относившиеся к делу, начинали с того, что забирали в свои руки кассу, нерв противника; один только совет Коммуны отказывался сделать это. Он отменил бюджет на содержание духовенства, которое находилось в Версали, и оставался в восторге от бюджета буржуазии, который он держал в своих руках»⁹⁾.

Это обвинение, в основе своей, было почти всеми историками (я не имею, конечно, в виду фальсификаторов истории из реакционного лагеря) признано справедливым. Только в одном пункте новейшие исследователи, начиная с Дюбрейля, внесли поправку в критику Лиссагарэ. Последний, на ряду со многими другими бывшими участниками Коммуны, склонен всю вину или большую долю вины за поведение в вопросе о Банке приписывать членам финансовой Комиссии, Журду, Варлэну и особенно Белэ, делегату при Банке, давая вместе с тем понять, что ответственность за ошибку падает на всех вообще прудонистов, которые забыли, что «их учитель ста-

1) J. Claretie. Histoire de la Révolution de 1870—71, t. 1, p. 742.

2) См. Лукин. Пар. Ком., стр. 300.

3) Memoires du général Cluseret. Le second siège. P. 1887. T. II, passim.

4) La Commune vecue, t. III, 25 ss.

5) V. Dubreuil, Commune de 1871. Op. Enquête sur la Com., p. 94.

6) Enquête sur la Commune, p. 98.

7) Cluseret, II, p. 9 ss.

8) Enquête, I. c.

9) История Пар. Коммуны. Сиб. 1906 г., стр. 195.

вил захват банков во главе своей революционной программы“ (!). Позднейшая же критика выяснила, что если говорить об ответственности, то ее должна делить, вместе с финансовой комиссией или прудонистами, вся Коммуна в целом, как ее якобински-бланкистское «большинство», так и прудонистское «меньшинство»¹⁾.

Эта поправка основана на соображениях, которые были выдвинуты еще Белэ, когда ему пришлось защищаться от многочисленных нападков на его деятельность в качестве делегата при Банке. «Никогда, писал он, в совете Коммуны, ни со стороны меньшинства, ни со стороны большинства, не было внесено ни одного предложения, которое имело бы в виду захватить Банк. Даже в конце борьбы, когда большинство Коммуны сочло необходимым поручить всю власть Комитету Общественного Спасения, и я лично неоднократно беседовал с членами этого Комитета, никогда при объяснениях не высказывалось ни малейшей мысли о занятии или захвате Банка...»²⁾.

Действительно, как это было уже отмечено Дюбрейлем, ни в протоколах Коммуны, ни—добавлю от себя—в каких бы то ни было известных нам документах, совершенно не имеется прямых указаний на то, чтобы политика Белэ или же финансовой Комиссии встретила с чьей-либо стороны неодобрение. Мало того, даже на бирже, которая, как это видно из донесений агентов Комитета общей безопасности, чутко реагировала на все социально-экономические мероприятия революционной власти, никогда не возникало сомнений насчет полной безопасности Банка. Биржевикам до такой степени была чужда мысль о возможности захвата Банка коммуной, что для указания источника сумм, израсходованных, согласно отчету Журда, к концу апреля, там была придумана следующая сказка: пять миллионов финансовая комиссия получила от налогов, а двадцать миллионов от Империи и пруссаков³⁾.

Так образом не приходится сомневаться в том, что моральная ответственность за упущенную возможность нанести противнику удар в самое чувствительное для него место—его кассу—падает на всех без исключения деятелей Коммуны. Но на этом утверждении обычно и останавливаются. Между тем следовало бы еще объяснить причину указанной ошибки, следовало бы, иными словами, выяснить те объективные предпосылки, которые для представителей революционной власти сделали субъективно невозможным завладеть Банком или хотя бы поставить этот вопрос на обсуждение.

В исторической литературе, к сожалению, мало разработан вопрос о причинах той или иной ошибки Коммуны. И в данном случае точно так же

¹⁾ Лукян, I. с.; Дюбрейль I. с.; Степанов, П. К. 1871, стр. 152, сл. И. Браславский, Пет. П. К. (М. 1925), стр. 112 сл. Талес. Ком. 1871 (X. 1925), стр. 96 сл. и др. В виде исключения, можно указать только на итальянского автора, Arturo Labriola, который в своих лекциях о коммуне (La Commune di Parigi, Torino, 1907, стр. 213 сл.) стоит целиком на точке зрения Лиссагарэ. „Le buon uomo Beslay, пишет он, non ostante il suo socialismo, ... si lasciò mettere nel mazzo del suo amico de Ploenc“.

²⁾ Ch. Beslay. La vérité sur la Commune, p. 77 сл.

³⁾ Dauban, o. с., p. 214.

не идут далее нескольких общих замечаний. Чаще всего встречается указание на слабую подготовленность парижского пролетариата, находившегося в плену у мелко-буржуазной прудонистской идеологии. Но при этом упускают из виду, что речь здесь идет о революционной тактике, которая с идеологией может и не иметь ничего общего. Ведь были же революционеры 1793 года идеологами мелкой буржуазии, и это однако не мешало им при случае прекрасно расправляться с буржуазной собственностью и кормить санкюлотов за счет «аристократов» из богатой буржуазии. Это было результатом тактических, а не программных соображений: но ведь и захват Банка мог быть чисто тактическим мероприятием, а вовсе не первым шагом к уничтожению капитализма или к «социальной ликвидации», как тогда выражались. Поэтому нельзя согласиться с Дюбрейлем, когда он считает «странный» критику позиции Коммуны в вопросе о Банке в устах таких умеренных прудонистов, какими были Малон и особенно Ранк.

Итак, указание на прудонистскую идеологию так же мало может нас удовлетворить, как несправедливые замечания Лиссагарэ о «ребяческом волнении» или трусости «депутатов от 26 марта».

В одной из работ, именно И. Степанова, мы находим иную попытку выяснить причину роковой ошибки Коммуны: «Возможно, говорит он, что Коммуна воздержалась от энергичных мер (по отношению к Банку) из боязни лишиться поддержки буржуазных элементов в самом Париже»¹⁾, но только Степанов не счел нужным обосновать это мимоходом оброненное предположение.

Наконец, следует еще отметить своеобразную точку зрения, выдвинутую в этом вопросе одним из новейших историков Коммуны, Лепелетье²⁾. По его мнению, если можно здесь говорить об ошибке, то она была совершена не Коммуной, а Центральным Комитетом. «Коммуна, говорит он, правительство, установленное всеобщим голосованием и имевшее все внешние признаки регулярной, даже (!) законной власти, должна была функционировать в легальных рамках предшествовавших режимов, вышедших, как и она, из победоносного восстания. Могла ли она отдать на разграбление Национальный Банк, цитадель французской платежеспособности? Революции 1830 и 1848 г.г., декабрьский переворот 1851 г. отнеслись с уважением к этим соблазнительным сундукам и выиграли от того, что не зарезали курицу, несущую золотые яйца, не задушили доверия к кредиту Банка и правительства. Подобная шепетильность могла бы не остановить Центрального Комитета, который был лишь властью временной (*provisoire*), порожденной восстанием и длившейся восстание, имевшей поэтому возможность производить произвольные реквизиции, пример которых был дан инсургентами всех времен и народов. Коммуна же, напротив, могла и должна была проявить здесь колебание. Следует делать различие между двумя правительствами и двумя эпохами».

Здесь есть одна верная мысль: рассматривая политику революции по отношению к Банку, необходимо различать период власти Центрального

1) И. Степанов, ук. соч., стр. 156.

2) Edmond Lepelletier, Histoire de la Commune de 1871, T. II, p. 222 ст.

Комитета и период Коммуны. Но в остальном вся аргументация французского историка является образчиком невообразимой путаницы. Во-первых, нелепо ставить вопрос о том, должна или не должна была Коммуна «отдать на разграбление» (mettre au pillage) Французский Банк: речь идет всего только о его захвате, точнее правительственной реквизиции находившихся в нем богатств. Во-вторых, совершенно не выдерживает критики сравнение с революционными правительствами 1830 и 1848 г.г. Лепелетье забывает, что между рабочим 30-х и даже 48 г. и рабочим 1871 г. существовало некоторое различие, и что последний, создавая свою Коммуну, прекрасно понимал, в чем она должна и будет отличаться от предшествовавших революционных правительств. Наконец, весьма неубедительно звучат соображения о нелегальности Центр. Комитета и легальности Коммуны. Для Версальского правительства обе власти были нелегальными, но только со второй оно находилось в состоянии открытой войны, а с первой нет; следовательно, казалось бы, что именно вторая должна была нанести ему сокрушительный удар путем конфискации банковских ценностей. Для парижского же пролетариата и нац. гвардии обе власти были одинаково законно возникшими в результате произведенной им революции. Но для радикальной буржуазии, ненавидевшей версальскую «деревенщину» и опасавшейся в то же время Центр. Комитета, различие, проводимое Лепелетье, имело бы реальное значение. И в этом не без труда найденный секрет его мысли.

Вопрос о причинах «ошибки» Коммуны так и остается нерешенным. Мы продвинемся вперед в решении поставленной задачи, только когда выясним, что собою представлял Французский Банк, и проследим шаг за шагом его взаимоотношения с обеими революционными властями.

2.

Маркиз де-Плек в своем показании парламентской комиссии дает следующий отчет о состоянии Банка на 20 марта.

	Кассовая наличность:	
Звонкой монетой.	77.000.000	
Банковыми билетами.	166.000.000	
	Всего . . . 243.000.000	243.000.000
Портфель (т.-е. гос. бумаги и векселя)		899.000.000
Ценности в обеспечение ссуды		120.000.000
Слитки (золото и серебро)		11.000.000
Драгоценности, сданные на хранение		7.000.000
Ценные бумаги, сданные на хранение.		900.000.000
		И т о г о . . . 2.180.000.000

Помимо того, в Банке имелось на 800 миллионов банкнот, которым недоставало только подписи кассира. Добыть эту подпись, по словам

де-Плека, не составляло бы никакого труда. Таким образом, к моменту революции Банк заключал ценностей на сумму около трех миллиардов франков.

Отчего Версальское правительство не вывезло их своевременно? Де-Плек ссылается, между прочим, на то, что в Версале не верили в существование таких ценностей в Банке, хотя там с 23 марта находился Рулан, имевший возможность просветить правительство на этот счет. Во всяком случае, Версалью было, очевидно, выгодно распространять слух о пустых кладовых Банка, и это лучше всего обнаруживает царившее там беспокойство за судьбу его капиталов. Признаки этого беспокойства появляются уже в первые дни революции, так как в № «Коммуны» от 20 марта мы находим следующее сообщение: «Версальские газеты бешено лгут, когда сообщают о том, что во Французском Банке нет ни сантима, что вся звонкая монета переведена в Версаль, а банкноты уничтожены».

Итак, и в Версале, и в Париже ни для кого не могло быть секретом, что в Банке хранились огромные суммы. Версаль их не вывез не по незнанию, а в силу физической невозможности¹⁾. Но почему же не завладели Центральным Комитетом? Для того, чтобы понять это, необходимо обрисовать роль и значение Банка в императорской Франции и во Франции, пережившей неслыханный военный разгром 1870—71 г.

Французский Банк²⁾, основанный еще в 1800 г., был крупнейшим кредитным учреждением Франции. Наделенный многочисленными привилегиями, он занимал исключительное положение. Ему одному принадлежало право выпуска банкнот, и через него государство производило почти все свои финансовые операции. Тесная связь Банка с государством обнаруживалась в том, что директор и два его помощника, обладавшие фактически всей полнотой власти, назначались правительством. Тем не менее, Банк был не государственным, а частным учреждением. Его основной капитал, разделенный на 180 с лишним тысяч акций, по 1000 фр. каждая, принадлежал полностью частным лицам. Но этот капитал мог быть помещен исключительно в государственные бумаги (3% или 5% ренту), и в этом снова проявлялась тесная связь между Банком и государством.

Те пятнадцать тысяч лиц, которые были держателями всех акций, принадлежали почти без исключения к крупной финансовой и промышленной буржуазии. Это вполне естественно, если принять во внимание, что курсовая цена одной акции достигала шести тысяч франков, превосходя, таким образом, номинальную цену в 6 раз. При том акции были распределены настолько неравномерно, что двести парижских акционеров были держателями большей их половины. Не лишено интереса то обстоятельство, что 70%

1) Для этого понадобился бы, по уверению де-Плека, 60—80 повозок и целый корпус армии См. *Enquête parlementaire*, I. с.

2) О Ф. Б. Say, *Dictionnaire d'économie politique*, I, p. 127-ss; *Banque de France. Assemblée générale des Actionnaires de la B. de Fr. du 30 janvier 1873. Compte rendu*, Paris 1873 и за след. годы; *Journal des Economistes français* за 1869, 70 и 71 г.г., где помещены статьи с отчетом о Банке, *Semaine financière* и др. органы, публиковавшие его отчеты. Ср. также статьи Bailleux de Marisy, *Moeurs financières de la France*, печатавшиеся в *Revue des deux Mondes* за 1872 г.

всех акций находились в руках парижской буржуазии (125.219), которая, следовательно, была максимально заинтересована в благополучии Банка. О степени этой заинтересованности можно судить еще по тому, что дивиденд, выплачиваемый акционерам, достигал 360 фр. на акцию, т.-е. 36% ее номинальной цены.

Благодаря исключительной финансовой мощи Французского Банка, от него зависела судьба многих тысяч крупных и мелких предприятий, особенно торговых. К концу Империи он имел уже 60 отделений в департаментах и при их помощи успел стянуть в свою центральную кассу огромный золотой фонд, достигший в 1869 г. 1.247 миллионов фр.,—сумма, представлявшая собою 56⁰/₁₀₀ денежных металлических запасов всех остальных банков Европы, вместе взятых ¹⁾. Опираясь на этот золотой базис, а также на свои монопольные эмиссионные права, он мог диктовать свою волю на финансовом рынке Франции, на Парижской бирже, которая в 60 г. превращается, по выражению современников, в «подлинный космополитический рынок капиталов» ²⁾. От него зависели — прямо или косвенно — все важнейшие кредитные учреждения ³⁾, и устанавливаемый им учетный процент был для них законом.

Для деятельности Французского Банка характерно то, что он обслуживал как самые крупные, так и самые ничтожные предприятия. Ежегодно он учитывал сотни тысяч векселей, валюта коих не превосходила ста франков ⁴⁾. Насколько можно судить из отчетов, представленных общим собраниям акционеров, главная масса таких мелких финансовых операций падала на парижскую клиентуру Банка. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что для мелкого парижского лавочника Банк был необходим и казался ему «своим» не в меньшей степени, чем какому-нибудь крупному финансисту.

Военный разгром Франции в 1870 г. вначале повлек за собой не столько напряжение платежеспособных сил страны, сколько напряжение кредита Франц. Банка. В январе 1871 г. Банк учитывает обязательства казначейства на сумму в 119.404.052 фр.; в феврале—на 125.710.863 фр.; в марте—на 261.870.000 фр.; в июне—на 1.193.640.000 фр. ⁵⁾.

Эти растущие потребности казны Банк удовлетворял путем непрерывного расширения своей эмиссии. С 600 миллионов бумажных франков, находившихся в обращении к началу войны, их масса повысилась ко времени Коммуны почти до двух миллиардов, и необходимость выполнить ряд денежных обязательств перед победителями требовала дальнейшего расширения эмиссии. И однако массовый выпуск банкнот, при полной депрессии рынка, не повлек за собой падения их курса. Кредит Банка во Франции

¹⁾ Journal des Economistes Français XVII, p. 131.

²⁾ Ibid.

³⁾ В результате революции 1848 г. почти все кредитные учреждения Парижа принуждены были ликвидироваться; в 1871 же году их тесная связь с Французским Банком позволила им легко перенести революционный кризис. См. Bailleux de Marisy, Revue des deux Mondes, № 102, p. 410.

⁴⁾ Compte-rendu, 1873, p. 6.

⁵⁾ Ibid., p. 37.

и за границей был настолько велик, что даже исчезновение большей части металлического обеспечения не вызвало сколько-нибудь значительного нарушения золотого паритета банкноты.

Для французских рантье, этой могущественной группы мелкой и средней буржуазии, такое явление было настоящим чудом: они еще имели перед глазами живой пример С.-А. Штатов, переживших крах своего бумажно-денежного обращения в результате «освободительной» войны 1861—65 г.г. Они готовы были молиться на Франц. Банк, сохранявший в неприкосновенности их доходы, и еще более гордились «национальной твердыней французского капитализма». И точно так же на Банк возлагали все свои надежды торговцы и промышленники Парижа, рассчитывавшие при его помощи поправить свои пошатнувшиеся дела.

В атмосфере угнетения и подавленности, вызванной военным позором, лишениями долгой осады, экономической разрухой, банк казался единственной силой, уцелевшей в катастрофе, и залогом возрождения страны.

Таково было настроение самых широких кругов французской, особенно парижской буржуазии, и можно легко догадаться, что деятели Коммуны не только принуждены были с этим настроением считаться, но и поголовно были им заражены.

Здесь лежит источник той аргументации, при помощи которой Белэ, как мы увидим ниже, защищал перед Коммуной миллиарды Франц. Банка. Но когда упрекают Белэ в ошибочности его доводов, то забывают, что даже более сильный ум рабочего-социалиста Мильера не мог освободиться от всеобщего фетишистского преклонения перед банком¹⁾. И вот в результате уважения к «главному агенту торговли и промышленности Франции»²⁾ революционеры забыли, что Банк был в то же время, по признанию самих же буржуазных экономистов, «настоящим орудием правительства и государственным учреждением»³⁾.

После этих замечаний нам станут более понятны те своеобразные формы, в которые выливались взаимоотношения между революционной властью и Банком, а также позиция Коммуны в этом вопросе, взятая в целом.

3

К вечеру 18 марта важнейшие стратегические пункты внутри Парижа были по распоряжению Центрального Комитета заняты отрядами революционной национальной гвардии⁴⁾. Как в этот, так и в последующие дни

¹⁾ См. речь Мильера в заседании Версальского Нац. Собрания от 23 марта.

²⁾ *Jb., Journal Officiel de la Rép. Français*, p. 200.

³⁾ Bailleux de Marisy. *Moeurs financières de la France. Revue des deux Mondes* № 102 (1872), p. 410.

⁴⁾ Я считаю неправильной точку зрения, согласно которой движение 18 марта развивалось стихийно, без всякого руководства и участия со стороны Центрального Комитета, который будто бы появился на сцену лишь к концу дня. Не говоря уже о наличии некоторых положительных данных (см. новейшую работу Буржена, опубликованную в октябрьской книжке *Revue Historique* за 1925 г.), противоречащих такому взгляду, трудно допустить, чтобы Ц. К. мог пользоваться таким необычайным авторитетом в рядах нац. гвардии, если бы он не принимал деятельного участия в захвате вооруженным пролетариатом покинутой правительством столицы.—К этому вопросу я, впрочем, надеюсь вернуться в особой статье.

ЦК, очевидно, не имел в виду занять все здания государственного и общественного характера, а стремился лишь к тому, чтобы обеспечить себе военный перевес в самом Париже на случай борьбы с национальной гвардией «порядка», т. е. с частью вооруженной буржуазии, которая после вывода из Парижа правительственных войск была, казалось, еще единственной силой, угрожавшей торжеству революции. Вполне естественно поэтому, что Ц. К., оставивший в руках версальских чиновников здания нескольких министерств¹⁾, не подумал также и о занятии Банка, который охранялся ничтожным отрядом солдат и не мог бы оказать нац. гвардии серьезного сопротивления²⁾.

Но если 18 Ц. К. не занял Банка, то он мог это сделать в один из ближайших дней. Поэтому директору Банка, Рулану, пришлось 20 марта принять финансовых делегатов Ц. К. (Варлена, Журда и Бильорэ) с самой любезной улыбкой и выдать им, даже не дожидаясь повторных требований с их стороны, один миллион.

Реакционные круги Парижа сразу оценили всю серьезность положения: нельзя было допустить, чтобы Французский Банк «питал» своими средствами революцию. Поэтому, организуя вооруженное сопротивление Ц. К.-ту, они переносят центр его во второй округ, округ Банка. «Если бы удалось начать и выдерживать некоторое время борьбу, — писал впоследствии один из реакционных представителей парижского муниципалитета, Анри Мартэн, — то мы получили бы решительное преимущество, так как мы закрыли бы доступ в Банк нашим противникам и в то же время получали бы у него средства для себя»³⁾.

Мысль была правильная: лишить противника средств значило создать Ц. К.-ту колоссальные затруднения с нац. гвардией, которая жила исключительно на ежедневное жалованье в 30 су, значило задержать планомерное развитие революции, значило дезорганизовать эту революцию. О том, что дезорганизация революции может повлечь за собою полную анархию, от которой в первую очередь пострадала бы богатая буржуазия, реакционные мэры не думали. Им казалось, что если они лишат Ц. К. возможности платить 30 су нац. гвардейцам и возьмут эту обязанность на себя, то они предупредят волнения на продовольственной почве и умалят в то же время авторитет Ц. К. «Мы стремились, — заявил в следственной комиссии Дюбайль, мэр 10 округа, — дезорганизовать восстание другим путем, а именно, восстановив аппарат по выплате жалованья нац. гвардейцам в здании Биржи»⁴⁾. Еще откровеннее пишет помощник мэра 5 округа, Коллэн: «Я занялся поисками средств, необходимых для выплаты жалованья национальным гвардейцам, чтобы отвлечь (*détacher*) нуждающихся от службы Коммуне»⁵⁾.

1) Ряд зданий, как, напр., морское министерство, Дворец Мира, управление Обществ. Прозрения и мн. др., были заняты только 30 марта, по распоряжению Коммуны. См. протоколы в изд. Буржена и Аврио, стр. 69.

2) *Enquête Parlementaire*, p. 391.

3) *Ibid.*, p. 554.

4) *Ibid.*, p. 334.

5) Frédéric Damé. *La résistance, les maires, les députés de Paris et le Comité Central du 18 au 26 Mars*, Paris, 1871, p. 343.

Эти средства должен был дать, конечно, тот же Французский Банк. 23 и 24 марта представители мэров, банкир Годшо и Моми, получили оттуда 550 тысяч, а вечером 23 по городу уже расклеивалась афиша следующего содержания:

Жалование Национальной Гвардии.

УВЕДОМЛЕНИЕ.

Государственные средства, необходимые для уплаты жалования, находятся исключительно в распоряжении мэров... Временно выплата будет производиться в здании Биржи.

За парижских мэров и их помощников

Тирар, Дюбайль, Элагон¹⁾.

Вся эта затея была тесно связана с деятельностью адмирала Сессэ, присланного из Версаля специально с целью «объединить вокруг себя силы защитников порядка» и начать гражданскую войну в самом Париже. Во втором округе были с этой целью сосредоточены пятнадцать тысяч буржуазных нац. гвардейцев; ими были заняты все здания, примыкавшие к Банку; стены последнего были тщательно укреплены и снабжены орудиями; наконец, из служащих Банка был организован особый батальон, который начал усердно заниматься военными упражнениями во дворе Банка.

Эти грозные приготовления не могли остаться незамеченными делегатами Ц. К. Варлэном и Журдом, которые 24-го²⁾ явились в Банк за получением очередной суммы (350 т.) на выплату суточного содержания нац. гвардии. Заместитель директора, де-Плек, их даже не принял, батальон Банка встретил их враждебными возгласами, а находившийся тут же Моми весьма недвусмысленно дал им понять, что о жаловании позаботились уже мэры, так что денег им получать незачем³⁾.

Делегаты ЦК удалились, но через короткое время де-Плек получил от них письмо ультимативного характера⁴⁾: «Уморить голодом парижское население,—писали Варлэн и Журд,—таково оружие партии, называющей себя «честной». Голод никого не обезоруживает, он в состоянии лишь побудить массу к убийствам и опустошениям. Мы желали избежать всех этих бедствий; Банк мог бы помочь нам в этом. Но он предпочел стать на сторону людей, которые желают какую угодно цену восторжествовать над Республикой. Мы поднимаем брошенную нам перчатку, предоставляя тем, кто из личных соображений не колеблется вызвать народную ярость, нести всю страшную ответственность за свое поведение.

1) Ibid., p. 174.

2) Согласно де-Плеку—23-го, но он, повидимому, ошибается, в чем можно легко убедиться, сопоставляя его показания с рассказом Моми.

3) *Daté*, o. c., p. 309.

4) Одновременно Ц. К. отдал распоряжение арестовать Дюбайля, Моми и др. муниципальных чиновников, замешанных в этом деле. Но они были либо немедленно выпущены на свободу, либо оказались вне пределов досягаемости для Ц. К-та.

Что касается нас, мы свой долг исполнили, и мы докажем, что ошибаются те, которые истолковали наше примирительное поведение, как вызванное испугом. Пусть же Банк откажется от рокового решения, которое он, повидимому, принял.

Мы больше сюда не вернемся. Если Банк расположен выплатить оставшуюся часть предоставленного нам миллиона, т.-е. 700 тысяч франков, пусть он пошлет их в министерство финансов до 12 час. дня. С этого же часа будут приняты все необходимые и притом [самые энергичные меры! Да здравствует республика!]

Самые размеры письма свели к минимуму действие заключавшейся в нем угрозы. Людям, которые чувствуют за собой силу, нет необходимости расходовать много слов для убеждения противника. Ультиматум должен быть прежде всего коротким.

Поэтому де-Плек выполнил требование делегатов Ц. К. лишь частично. Выяснив предварительно, что на «батальоны порядка» рассчитывать нечего и что сам адмирал Сессэ относится скептически к мысли о вооруженной защите Банка, он послал сказать, что Ц. К. будет выдано не семьсот, а только 350 миллионов (согласно условию, заключенному с Ц. К. Руланом), и предложил, чтобы за деньгами делегаты явились в Банк сами.

Правда, они явились туда в сопровождении вооруженной силы, но тем не менее Ц. К. вышел из этого конфликта морально побежденным. Ультиматум привел только к компромиссу, и единственный случай ввести в Банк нац. гвардию и поставить его, таким образом, в полную от себя зависимость был Центральным Комитетом упущен. А между тем момент был исключительно благоприятный, потому что Банк, открыв свою кассу реакционным мэрам и преградив к ней доступ Ц. К., терял даже в глазах мелкобуржуазной массы парижского населения свой иммунитет нейтрального учреждения.

Но эта ошибка с Банком была лишь логическим звеном в длинной цепи допущенных Ц. К. промахов, вытекавших из неясности его представлений о характере и границах власти, врученной ему революцией.

В этом легко можно убедиться, читая протоколы заседаний Ц.К., относящиеся как раз к периоду 19—24 марта¹⁾.

¹⁾ Подлинные протоколы Ц. К. хранятся, повидимому, в архиве м-ва военных дел, но они и поныне недоступны. Поэтому приходится пользоваться отчетами о заседаниях, точность которых проверить невозможно. Эти отчеты имеются: в книге J. d'Arsac, *Les conciliabules de l'Hôtel de ville, 1871*; в приложениях к „Парламентской анкете“, а также в реакционном произведении анонимного автора *Livre noir de la Commune de Paris, Bruxelles, 1871* (есть русск. перевод). Хотя для двух заседаний—21 и 27 марта—отчеты приводят все эти источники, однако, между ними нет ничего общего; даже председатели упоминаются различные. По это еще с полбеды, т. к. Центр. Комитет имел в день два заседания, и можно предположить, что „Черная книга“ и d'Arsac дают отчеты об утренних заседаниях, тогда как в *Enquête parlementaire* напечатаны протоколы вечерних. Главная же беда в том, что в последнем издании, хотя и высоко „официозном“, протоколы вызывают местами большие сомнения, если не в отношении содержания, то в отношении их датировки. Так, напр., в протокоде от 27/III неоднократно упоминается Коммуна и ее военный Комитет, как давно уже действующие учреждения, между тем как известно, что первое заседание коммуны состоялось 28, а организация Комитетов, в том числе и военного, лишь 29 марта. Ср. также грубую опечатку (повидимому) на стр. 482, кол. 3.

Для парижского рабочего 1871 года регулярная выплата суточного довольствия в 30 су была вопросом не менее важным, чем для рабочего 1848 г. — вопрос о сохранении национальных мастерских. Введенная еще правительством национальной обороны, эта ничтожная плата давала ему возможность кое-как существовать в период почти полной приостановки производства, вызванной войной и осадой Парижа. Выплата этого содержания производилась ежедневно через распределительный аппарат мэрий 20 округов, и прекращение ее хотя бы на один день явилось бы настоящей катастрофой для парижского пролетариата¹). Между тем, когда для мэров стало ясно, что революция 18 марта одержала победу, большая часть из них немедленно покинула свои округа, вследствие чего распределение денежной помощи сделалось затруднительным, а кое-где и вовсе невозможным. Перед Центральным Комитетом этот вопрос уже 20 марта встал во всей своей остроте. Я приведу отрывок из отчета, где резюмируются возникшие по этому вопросу прения.

«Делегат Гроллар берет слово. Возникло, говорит он, следующее затруднение: выплата жалованья нац. гвардии происходит с перебоями. Нужно немедленно устранить это затруднение; нужно, прежде всего, чтобы граждане имели средства существования для себя и своих семей».

«Гражданин Асси развивает ту мысль, что, хотя правительство должно было знать положение, оно ничего не оставило Комитету из денежных средств».

«Он прибавляет: Комитет, во избежание упреков в сибаритизме (sic!), которые делались правительству 1848 г., должен уничтожить затруднение; средства, необходимые для нац. гвардии, нужно во что бы то ни стало найти. Ввести немедленно налог и взыскать его было бы трудно и, возможно, незаконно. Комитет пошлет делегатов в Банк и в крупные кредитные учреждения. Эти учреждения предоставят фонды в пределах строгой необходимости. Предложение единогласно принимается».

(Livre noir, p. 110 ss.).

Итак, Асси, один из самых авторитетных членов Ц. К., рабочий-революционер, возглавлявший знаменитую стачку в Крезе, изумлялся тому, что правительство (Тьер оставался еще для него правительством!) не оставило средств для той самой нац. гвардии, которая выбросила его из Парижа. Асси, и вместе с ним Ц. К., отказывается от введения налога на имущих, потому что это было бы «незаконным». Наконец, средства Комитету понадобились только «в пределах строгой необходимости», т.-е., как видно из контекста, только для выплаты 30 су²).

Не знаешь, чему здесь больше удивляться: наивности, неосведомленности или полной неясности представлений у членов Центрального Комитета! Они не знали о том, что в Банке, на текущем счету г. Парижа, оставалось около девяти с половиной миллионов франков для нужд нац.

¹) Вооружение, экипировка, распределение обеденных карточек среди нац. гвардейцев и членов их семейств также производилась через мэрии. См. Показание Ватеро в Enquête parl., p. 68 сл.

²) Жены нац. гвардейцев получали, сверх того, по 75 сантимов.

гвардии¹⁾; они забыли о том, что их функции заключаются не только в обеспечении нац. гвардии средствами существования, но что им придется удовлетворять ряд настоятельных нужд, возникающих перед всяким революционным правительством; наконец, они даже не захотели считать себя правительством! Не заявил ли разве Бильорэ, при обсуждении проекта о продлении вексельного моратория, что «Центральный Комитет, не будучи правительством, не может декретировать отсрочку по вексельным платежам»? А ведь именно эта точка зрения, несмотря на возражения Мортье и Варлэна, собрала большинство голосов²⁾. И она же господствует не только на заседании 20 марта, но красной нитью проходит через всю деятельность Ц. К., который в своем заключительном воззвании (от 29 марта) сам вынужден был признать, что она связывала его по рукам и ногам³⁾.

Последствия этого взгляда сказались тотчас же и на финансовых затруднениях, с которыми Ц. К. до конца своей жизни не мог справиться, и на его позиции по отношению к Банку, и на слабости его политики в целом. Эти три момента в его деятельности были настолько тесно между собою связаны, что ошибка в одном пункте роковым образом приводила к ошибкам в остальных. Вот несколько характерных примеров, которые позволяют хорошо нащупать эту взаимообусловленность различных моментов политики Комитета.

26 марта Варлэн и Журд раздобыли один миллион в банке и 500 тысяч у Ротшильда, при чем последний впоследствии искренно изумлялся умеренности их требований⁴⁾. Но ведь Ц. К. решил ограничиться в изыскании средств «пределами строгой необходимости!» Однако ему пришлось уже через два дня убедиться в том, что денег нехватает для удовлетворения самых насущных нужд. Нужно было взять на свое попечение множество солдат, отставших от правительственной армии и бродивших без дела по улицам Парижа; нужно было выпускать газету, печатать прокламации, вести агитацию, связаться с провинцией, отправить своих представителей в крупные центры и своих тайных агентов в Версаль⁵⁾. Но когда Мальжурналь внес предложение потребовать у Банка дополнительных средств, Ц. К. не в силах был на это решиться. Ведь Банк дает деньги только на помощь нуждающемуся населению и нац. гвардии

1) Du Camp (*Convulsions*, III, 183) утверждает, что Журду, а следов. и Ц. К-ту было известно не только о существовании этого фонда, но даже его точные размеры. 20 марта, когда делегация Ц. К. явилась в Банк, Журд будто бы заявил Рулану: „мы знаем, что Париж имеет на текущем счету 8.826.860 фр. (?), и в счет этой суммы мы требуем выдачи одного миллиона“. Однако нет никаких оснований доверять реакционному фантазеру, который здесь в такой же степени, как в других местах своего „исторического“ труда, меньше всего был заинтересован в том, чтобы говорить правду, так как он поставил своей задачей обелить Рулана от обвинений в слишком поспешном согласии на выдачу денег Ц. К-ту. Ср. Lepelletier, T. II, I. c. Ср. также прим. 1, стр. 16.

2) *Livre noir*, p. 111.

3) *Journ. Offic.* от 30/III: „Entravés dans notre marche par la loyauté qui nous interdisait de faire acte de gouvernement...“

4) Lepelletier, o. c. 220.

5) *Livre noir*, 112 ss.

Парижа¹⁾. Зато было принято постановление разослать делегатов по вокзалам для взыскания законного (ибо установленного не Ц. К.) сбора с железнодорожных билетов²⁾ — мера, которая не могла дать никаких реальных результатов.

И вот, 22-го новые затруднения: нац. гвардейцам, оказалось, нужна была еще обувь, одежда, пища, и Ц. К., «чтобы не отягощать своих финансов» (дословно), распоряжается прибегнуть к реквизициям, которые должна была оплатить Коммуна.

Еще пример. Комитет прекрасно понимал, насколько важно привлечь симпатии больших городов на сторону революции, развить в них агитацию, поддержать оппозиционно-настроенную мелкую буржуазию в ее борьбе за радикальную республику, ознакомить ее с истинным характером событий 18 марта. И вот, в хронологическом перечне распоряжений Ц. К.³⁾ мы под 25 марта находим следующую заметку:

«Гражданину Муро даны полномочия разослать делегатов в Лион, Марсель, Тулузу и Лимож».

Сколько же было предоставлено Муро для этого важного предприятия?—Три тысячи франков! Три тысячи франков, не больше и не меньше, в состоянии был выделить из своих скудных средств Центральный Комитет для агитации во Франции в период, когда эта агитация была возможна, когда Лион поднимался, а в других городах со дня на день грозила вспыхнуть революция.

Так обнаруживалось несоответствие между важными задачами, стоявшими перед Комитетом, и его финансовыми ресурсами. Бедность революции давала себя чувствовать на каждом шагу, и вопрос о средствах ставился и не разрешался почти ежедневно. 25-го финансовый делегат Варлэн требует денег «для самых настоятельных нужд». Выносится решение обратиться к Банку. Но 26-го ему приходится снова напомнить, что «затруднения с финансами со дня на день становятся все серьезнее⁴⁾». А под самым носом этой вечно нуждающейся революции Версальское правительство широко расходовало на ее удушение миллионы, беспрепятственно получаемые от Банка⁵⁾. И, самое замечательное, Ц. К. прекрасно

1) 27 марта Ц. К. потребовал еще 500 т. фр., де-Шлек послал немедленно в Ц. К. главного кассира, который заявил, что если речь идет о расходах государственного характера, то деньги не могут быть выданы, и только в том случае, если заявление сделано от имени г. Парижа, оно будет рассмотрено (правлением Банка). «Ответ был, как и всегда, один и тот же: что речь идет о национальной гвардии, о женщинах и детях». См. *Enquête parl.*, p. 392.

2) Известный процент с налогов, которые жел.-дорожные компании платили государству, шел в пользу г. Парижа.

3) *Enquête parlementaire*, p. 520 (Comité Central. Ordres, donnés du 24 au 31 mars). Cf. p. 521.

4) *Livre noir*, p. 114.

5) От 20 до 30 марта Версальское правительство получило только от Центрального Франц. Банка в Париже свыше 15 миллионов. См. *Du Camp, les Convulsions de Paris*, Т. III, стр. 192; отделения Франц. Банка в провинции были также широко использованы Тьером.

знал об этом. Среди многочисленного банковского персонала нашлись у него тайные доброжелатели, которые своевременно сообщили ему о размерах сумм, выплаченных по распоряжениям из Версаля. Но Ц. К. ограничился только угрозой применить к Банку репрессии в случае повторения подобных действий. И мне неизвестно, чтобы эта угроза была когда-либо приведена в исполнение, несмотря на то, что до начала апреля версальские чиновники были ежедневными посетителями Банка ¹⁾.

На этом эпизоде особенно ясно видно, насколько отношение Ц. К. к Банку было тесно связано с его общей политикой. Стремясь добиться во что бы то ни стало выборов в Коммуну, и притом выборов путем всеобщего голосования, заключив для этого соглашение с мэрами и депутатами от Парижа, Ц. К. окончательно утерять столь необходимую в критические периоды свободу действий, сознательно лишил себя революционной инициативы. И вполне естественно, что накануне или в день выборов Ц. К. не только отказывался думать о репрессиях, но и вообще не хотел брать на себя ответственность за какие-нибудь радикальные мероприятия, уклоняясь от них при помощи такого рода резолюций:

«Пока муниципальный совет не будет избран, Комитет не может и не желает принимать никаких решений. Решать будет Совет Коммуны». (*Conseil de la Commune avisera*) ²⁾.

Совет Коммуны будет решать и вопрос о том, чем уплатить за 30.000 пар обуви, реквизированной для нужд нац. гвардии, и о том, где найти средства для более серьезной связи с провинцией, и о том, как поступать с Французским Банком, который явно враждебно относится к революции и не перестает снабжать деньгами версальское правительство. Полновластный и всемогущий (ибо избранный всеобщим голосованием) Совет Коммуны все решит, обо всем подумает; задача же Центрального Комитета—довести благополучно до конца выборы в этот всеспасающий совет, избегая конфликтов, пренебрегая провокационными вызовами реакции.

Так представлял себе свою задачу Комитет, и потому его политика не могла быть политикой соглашений и компромиссов. Только в одном вопросе его позиция была тверда: выборы в Коммуну должны быть произведены в кратчайший срок, и здесь он никаких уступок не допускал. Но как раз этот вопрос для успеха революции имел далеко не первостепенное значение, гораздо меньшее, чем захват Французского Банка.

Членам Ц. К. оказалась совсем не под силу громадная ответственность, выпавшая на их долю, и они поторопились переложить ее на другие плечи ³⁾.

¹⁾ Déposition de M. de Plocuc. Enquête, p. 391. Только с началом открытых военных действий между Коммуной и Версалем, де-Плек, опасаясь того, что новая власть будет действовать энергичнее, распорядился воспретить агентам казначейства доступ в Банк. Что явных агентов после этого сменили тайные, он считает излишним указывать.

²⁾ Livre noir, I. c.

³⁾ Кюзере в своих мемуарах делает о членах Ц. К. любопытное замечание, которое дает лишний штрих для характеристики их неподготовленности к практической революционной работе в столь решительный момент: „Все они были без копейки. Если бы им пришлось

Если при Центральном Комитете, который рассматривал себя как власть временную и строго ограниченную определенными функциями, положение Французского Банка оставалось в высшей степени неопределенным, то от Коммуны, избранной «легально» и наделенной всей полнотой власти, можно было ожидать самых энергичных мер по отношению к Банку, вплоть до занятия его вооруженной силой. Де-Плек настолько предвидел эту возможность, что 27 марта, накануне провозглашения революционного правительства, он поторопился вывезти из Парижа все клише для печатания банкнот, «чтобы воспрепятствовать их изготовлению Коммуной»¹⁾, — мера предосторожности, которая впоследствии оказалась совершенно излишней, так как Коммуна не воспользовалась даже уже готовыми банкнотами. Но первые шаги новой власти как будто оправдывали эти опасения. Хотя на первом утреннем заседании 29 марта вопрос о Банке не был прямо поставлен, однако на него должно было распространиться постановление, имевшее в виду все без исключения общественные и государственные учреждения. Это постановление, опубликованное в *Journal Officiel* 30 марта, гласило следующее:

Граждане!

Коммуна, будучи в настоящее время единственной властью, декретирует:

Статья первая. Чиновники различных общественных учреждений будут отныне считать ничтожными и не имеющими никакой силы распоряжения и указания, исходящие от версальского правительства или от его приверженцев.

Статья вторая. Чиновник или служащий, который не подчинится этому декрету, будет немедленно смещен с должности²⁾.

Этот декрет не был пустой угрозой: уже в тот день, когда он был опубликован, в утреннем заседании 30 марта, Коммуна постановляет сместить директора почты, Рампона, который «собирается дезорганизовать свое учреждение», и назначает на его место в качестве «временного директора» Тейса. Такая же точно мера была принята и по отношению и Национальной типографии, директор которой, Ж. Б. Горео (J. B. Naugéau), был заменен Дебоком и Вальяном (Vaillant). Естественно, что и Банк, который возглавлялся чиновником, зависевшим от версальского правительства, и представлял собою учреждение еще более важное по своей роли в общественной и госу-

---

бежать, в случае возвращения версальцев, вряд ли десятеро из них могли бы покинуть Париж. Однажды в Ц. К. был поднят вопрос о предоставлении каждому из членов по 150 фр. для их личных нужд. Это предложение показалось им первоначально чудовищным: „150 франков! А наши товарищи, разве у них не такие же потребности, что у нас? И что подумает об этом народ?“ Предложение в конце концов было принято, но им воспользовались только 5—6 человек (Мемуары, т. I, стр. 29).

1) *Enquête parlement.*, p. 392.

2) Принятие декрета прошло не гладко. Ведь он означал провозглашение Коммуной своих суверенных прав. Против этого высказывались В. Клеман (будущий член финансовой комиссии), который потребовал, чтобы „Коммуна не навязывала себя как политическая власть“, и Тейс, заявивший, что она не должна „выходить за пределы своих коммунальных (т.-е. муниципальных) полномочий“. См. протоколы, стр. 490.

дарственной жизни, не мог избежать участи почты, типографии, а несколько позже—и телеграфа, монетного двора, национальной библиотеки, музея Лувра и др. Действительно, одновременно с назначением Тейса и, повидимому, в тесной связи с этим назначением¹⁾, член финансовой комиссии Белэ, был командирован в банк в качестве делегата Коммуны. Отчего делегата, а не директора? Казалось бы, для этого имелись все основания, так как администрация Банка была представлена в этот момент только одним лицом (де-Плеком), вместо законных трех. Мы убедимся ниже, что инициатива названия должности, равно как и назначения на нее исходила от самого Белэ. Но ведь суть дела не в титулатуре. Делегаты Коммуны по финансам, военным делам, юстиции и т. п. были настоящими министрами революционного правительства, несмотря на свое скромное звание. Точно так же, посылая Белэ своим делегатом в Банк, Коммуна вовсе не имела в виду учредить какую-то новую должность контролера этого учреждения. Она посылала туда директора²⁾, полномочного комиссара, если угодно, словом, полновластного распорядителя, как об этом свидетельствует мандат, выданный Белэ:

Французская Республика.

Свобода—Равенство—Братство

Парижская Коммуна.

Парижская коммуна назначает гражданина Белэ в качестве своего делегата при французском банке.

Делегаты исполнительной комиссии:

Лефрансэ, Тридон, Феликс-Пиа.

Здесь нет обращения к Банку, к его директору: Коммуна этого директора не признает, не знает даже о его существовании. Она помещает в Банке своего человека таким же точно образом, как она поместила своих министров-делегатов в министерства внутренних дел, финансов, юстиции и т. п. Правда, вступление Белэ в должность произошло без помощи батальона нац. гвардии, как это имело место во всех других случаях назначения делегатов. Но предусмотрительный делегат при Банке отвратил эту опасность. Ему удалось убедить исполнит. комитет, что по отношению к Банку эта мера явилась бы и вредной и излишней. Вот как сам Белэ сообщает об этом:

«У меня были твердо установленные взгляды на роль Банка после войны. Занятие Банка военной силой подорвало бы доверие к банкнотам.

¹⁾ В этом можно убедиться, если вчитаться в текст протокола. Достаточно прочесть хотя бы следующее место: „Коммуна постановляет в порядке спешности, что почта и морское министерство будут оккупированы, делегирует гр. Тейса в качестве временного директора почты и гражданина Белэ во Французский Банк“. Крайняя сжатость протоколов первых заседаний не позволяет выяснить, как обсуждались эти два назначения, во внутренняя связь их бросается в глаза.

²⁾ В одной анонимной работе о Коммуне, изданной в Цюрихе в 1872 г., Белэ так прямо и называется директором Банка (Histoire de la Commune de Paris, Zurich, 1872, p. 243: „Beslay, nommé gouverneur de la Banque...“).

А именно этого надо было бояться, так как Коммуна имела обыкновение проводить свои распоряжения (ordres) путем посылки своих батальонов... Я объяснил все это исполнительному комитету Коммуны, который без возражений признал справедливость моих замечаний, и было условлено, что я явлюсь один и без сопровождения военной силы (а министерства так и занимались военными силами) и осуществлю функции делегата при Банке» ¹⁾.

Таким образом, Белэ удалось добиться уступки, всего значения которой члены исполн. комиссии даже не подозревали. Но для нас важно здесь установить, что в решении этого вопроса Коммуна в целом никакого участия не принимала, и что никому, при избрании Белэ в делегаты, не приходила в голову мысль выделить Банк из ряда других учреждений, которые занимались с помощью вооруженной силы. Никому также, за исключением Белэ и инспирировавшего его де-Плека, не могла притти в голову мысль, что для власти Коммуны над Банком введенный туда отряд нац. гвардии может иметь большее значение, чем какие угодно делегаты. И это вполне понятно: ведь Коммуна наделила своего делегата самыми широкими полномочиями. В день его избрания она приняла следующее постановление:

«Принимая во внимание, что чрезвычайно важно обеспечить функционирование всех общественных учреждений, и что, с другой стороны, необходимо приступить к немедленному преобразованию различных учреждений, подчиненных министерствам, Коммуна дает своим комиссиям самые широкие полномочия для осуществления всех мероприятий, которые они должны будут принимать в интересах Коммуны» ²⁾.

Следовательно, Белэ мог в любой момент потребовать себе вооруженной помощи, но он получал также право прогнать ее, если бы она явилась—и она позже действительно явилась!—против его воли.

Здесь нам нужно коснуться более общего вопроса, в свете которого станет понятно все значение приведенных выше деталей. Я имею в виду организацию правительственного механизма Коммуны.

Если присмотреться к деятельности комиссий, организованных 29 марта, то мы увидим, во-первых, что между ними не было никакой действительной связи и что, во-вторых, в сфере своей компетенции каждая комиссия была не только всесильной, но—фактически—и бесконтрольной. Отмеченные особенности комиссий представляли собою и достоинство, и недостаток: достоинство—потому, что они гарантировали работоспособность комиссий, что было весьма существенно, так как сама Коммуна была по многим причинам органом нерабочим; недостаток—потому, что комиссии оторвались от Коммуны и стали вести несколько независимое от нее существование. И когда Андрие выступил в одном из заседаний ³⁾ с заявлением, что «ко-

¹⁾ La vérité sur la Commune, p. 83 s.

²⁾ Procès-Verbaux de la Commune, p. 61.—Инициатива постановления исходила от Журда, который имел в виду исключительно фин. комиссию. Это обстоятельство не лишено интереса для последующих выводов.

³⁾ Протоколы, стр. 311.

миссии считают себя настоящими диктатурами», то он формулировал лишь опасения, которые возникали у большинства членов Коммуны. Действительно, им можно было сделать тот упрек, что они не отчитывались перед Коммуной, либо отчитывались, когда хотели; что они проводили свою политику, не считаясь с общей линией политики Коммуны; что они редко координировали свою деятельность друг с другом и не подчиняли ее единому руководящему плану. Если к этому еще присоединить, что в комиссии, состоявшей из пяти человек, фактически работал один или два, то станет ясно, в какой степени решение весьма важных вопросов зависело от взглядов и убеждений отдельных лиц ¹⁾).

Этими недостатками правительственного механизма обуславливался ряд промахов и несообразностей, из которых каждый в отдельности не имел, может быть, серьезного значения, но которые в своей совокупности приводили к тяжелым последствиям.

Вот каким образом и могло случиться, что деятельность Белэ или же финансовой комиссии в целом, которая, как мы убедимся, шла вразрез с жизненными интересами Коммуны, не встречала никакой оппозиции, не подвергалась почти ни разу серьезной критике. А между тем Белэ совершил ряд поступков, которые нельзя рассматривать иначе, как измену революционной власти, выдвинувшей его на ответственный пост.

29 марта, не будучи никем на то уполномочен, он является к де-Плеку и намекает ему на возможность назначения Коммуной директора Банка. Де-Плек приходит в ужас и заявляет, что уступит только силе, но никогда не согласится добровольно признать нового директора, хотя он прекрасно понимал, что представитель революционного правительства вовсе не будет нуждаться в его признании. Зато он великодушно соглашается принять комиссара, «наподобие тех, какие существовали при анонимных обществах», и то, если этим комиссаром будет назначен сам Белэ. Предложение, шедшее навстречу желаниям Белэ, было охотно принято. Таким образом, член Коммуны, за ее спиной, заключил соглашение с представителем и верным слугою версальского правительства ²⁾).

Добившись без труда своего назначения в Банк, Белэ стал действовать в полном согласии с де-Плеком, который поселил его рядом с своим кабинетом, чтобы в любой момент иметь его под руками. Роль, которую должен был играть делегат Коммуны в этом учреждении, была им для себя намечена вполне ясно. «В Банк,—писал он впоследствии,—я вошел с одной целью: с намерением защитить его от всякого насилия со стороны крайней партии (*parti exagéré*) Коммуны» ³⁾. Это единственная роль, признается он сам, которая была ему по душе и ради которой он решил остаться членом Коммуны. Для того, чтобы насчет мотивов его по-

¹⁾ „Во всех комиссиях,—заявил Верморель 20 апреля,—имеются лишь один—два человека, которые работают“, при таких условиях дела вовсе не обсуждаются. (*Procès-Verbaux*, p. 317). Коммуна в связи с этим постановила сделать одно лицо, наделенное необходимыми полномочиями, ответственным за работу каждой комиссии.

²⁾ *Enquête parl.*, p. 391—395.

³⁾ *La vérité sur la Commune*, p. 97.

ведения не могло больше оставаться никаких сомнений, он спешит прибавить: «Я доказал, что сделал все, чтобы не быть ее членом, что я не одобрял ее политического поведения и что я не верил в успех ее борьбы с Национальным Собранием и правительством. Я остался на посту ради Банка, падение которого представлялось мне непоправимым бедствием»¹⁾.

Каким же образом человек, по его собственному признанию враждебный революции, мог очутиться в числе ее вождей, мог не только занять, но и удержать до конца один из самых ответственных постов?

По своему происхождению и имущественному положению Белэ принадлежал к высшим кругам бретонской буржуазии. Он вышел из семьи, которая даже в реакционной Бретани славилась своим консерватизмом. Отец — депутат крайней правой в парламенте первой Империи, реставрации и июльской монархии, сын — главный редактор ультра-монархической и клерикальной газеты *Le Français*, — таковы родственные связи члена Коммуны. Политические связи не менее характерны: генерал Кавеньяк, герой июньских дней 1848 г., был его другом; в законодательной палате он заседал рядом с умеренными республиканцами.

Но эти умеренные политические симпатии Белэ умудрялся совмещать с социализмом, правда, особого толка. Он определяет социализм, как «совокупность идей, выдвинутых для восстановления труда на новой основе и в условиях справедливости и истины, диктуемых нашей совестью»²⁾. Отсюда вытекает и «система» его деятельности, как социалиста, — система, «которая выражается одним священным словом: почтение к собственности»³⁾. Это и есть «либеральный социализм», противопоставляемый им «социализму коммунистическому», с которым он «не желал иметь ничего общего». Ближе он определяет свою систему, как умеренный прудонизм, и причисляет себя к «правому крылу Интернационала»⁴⁾. Ибо этот удивительный социалист был еще членом Интернационала и гордился тем, что был «первым буржуа, вошедшим в его состав»⁴⁾, и что он «вот уже 30 лет, как порвал с буржуазией, чтобы защищать рабочих и помогать им»⁵⁾. Но хотя он значительную часть своего состояния истратил на организацию мютюалистского рабочего банка и оказывал материальную поддержку французской секции Интернационала, в Коммуну послали его не рабочие, а буржуазные избиратели 6 округа, вместе с Гупилем, Леруа и Робинэ, которые, конечно, сложили с себя полномочия. Из каких соображений Белэ не последовал их примеру, нам уже известно.

Положение Белэ в Коммуне было исключительно благоприятно. После ухода всех ее наиболее умеренных элементов он оставался единственным представителем буржуазии, и притом представителем с именем и, казалось, с большим политическим весом. Для Коммуны, которая прилагала все усилия к тому, чтобы перетянуть на свою сторону радикальную буржуазию

1) *Ibid.*, p. 87 ss. Cp. p. 111.

2) *Ibid.*, p. 109.

3) *Ibid.*, p. 107; Cp. *Procès-Verbaux*, p. 205.

4) *Ibid.* Cp. p. 172.

5) *Ibid.*, p. 197.

Парижа и провинции, такой человек представлялся особенно ценным: он мог быть связующим звеном между революционным пролетариатом и широкими массами мелкой и средней буржуазии, к симпатиям которых Коммуна была далеко равнодушна. А так как он был еще известным «другом рабочих», «социалистом» и членом Интернационала, то к нему можно было отнестись с полным доверием. Повидимому, то, что писал о Белэ в своей газете Феликс Пиа, было не только личным его мнением: «К счастью для Коммуны, гражданин Белэ не удержал своей отставки»¹⁾.

К счастью для Коммуны! Это выражение, несмотря на все уважение, которое мог внушать членам Коммуны 76-летний «социалист», покажется неожиданным, если не принять во внимание, что за день перед тем Белэ сделал в Коммуне доклад о результатах своих переговоров с Банком и что выводы этого доклада могли дать Жюлю Валлесу повод к следующей заметке:

«В Банк делегировали Белэ, и этот 76-летний старец добился один, влиянием своего возраста, своей речи и своего характера, того, чего, быть может, не могли бы добиться все батальоны Парижа и все пушки Коммуны».

(Cri du peuple, № 31, IIV).

Чего же добился Белэ? К сожалению, протокол, помимо простого упоминания о докладе, здесь ничего не дает. А между тем, крайне любопытно было бы знать, как он изобразил свои достижения в Банке и чем он мог вызвать такой восторг у Валлеса? По всей вероятности, он сообщил о своем соглашении с правлением Банка, сведения о котором проникли в печать не ранее 8 апреля. К этому соглашению мы теперь и перейдем.

9 апреля в газете «Коммуна» появилась заметка следующего содержания:

«По сведениям Avenir National, между Банком и Коммуной заключено соглашение. Правительство Ратуши было при этом представлено гражданином Белэ, делегированным финансовой комиссией.

В силу этого соглашения за Банком признается характер частного учреждения, и он сможет охранять свои права путем организации батальона национальной гвардии из служащих учреждения, присоединяя к этому батальону, в случае необходимости, другие отряды, подчиненные Коммуне.

С своей стороны, Банк обязуется предоставлять Коммуне, под расписку г. Белэ, фонды, принадлежащие городу Парижу; в случае же истощения этих фондов, он должен авансировать Коммуне суммы, гарантированные выпуском закладных под городское имущество».

Такой же точно текст соглашения приводится в «Черной Книге Парижской Коммуны», где оно именуется «договором, заключенным Банком с гр. Белэ». Уже один тот факт, что соглашение появилось впервые на страницах буржуазной прессы и что оно совершенно не упоминается

1) Le Combat № 3, 1 апреля.

в официальном органе Коммуны, указывает на правление Банка, как на источник этой информации. А так как Journal Officiel не счел необходимым опровергнуть заметку, обошедшую почти все газеты, то следует думать, что она соответствует действительности. Однако, несомненно, что при заключении соглашения Коммуна была не при чем, что оно было установлено, как *modus vivendi*, между делегатом Коммуны и правлением Банка в порядке внутренних взаимоотношений и что Коммуна не желала или не считала нужным придавать ему официальный характер. Это тем более вероятно, что соглашение было выгодно только одному Банку, для которого оно создавало привилегированное положение ¹⁾).

¹⁾ Любопытно, что соглашение излагается введу в совершенно тождественных выражениях, хотя оно не приводится в виде документа, а дается в виде пересказа, стилистически слитого с остальной частью текста. Здесь дело, повидимому, не только в общем источнике, лежащем в основе всех сообщений, но и в его формальном, быть может, юридическом характере. На это же указывает и нарочитая законченность и закругленность фраз, некоторая, если угодно, торжественность выражений, необычайная для простой газетной заметки. Приводя параллельно выдержки из трех мест, где упоминается соглашение, я предоставляю читателю проверить правильность сделанных наблюдений.

„La Commune“

D'après l'Avenir National une entente aurait été conclue entre la Banque et la Commune. C'est citoyen Beslay, délégué par la commission des finances, qui représentait le gouvernement de l'Hotel de Ville.

Au termes de cet accord, le caractère d'établissement privé est reconnu à la Banque et elle pourra le faire respecter en organisant un bataillon de gardes nationaux, composé des employés d'établissement, soit en adjoignant à ce bataillon, en cas d'urgence, d'autres détachements, commandés par la Commune.

Par contre la Banque devait fournir à la Commune, sur un reçu du M. Beslay, les fonds appartenants à la ville de Paris et déposés à la Banque; et dans le cas, où ces fonds seraient épuisés, celle-ci devait faire à la Commune des avances, garanties par la remise de titres sur les biens de la ville.

„Livre noir de la Commune de Paris“

... La Banque... conclut un traité avec le citoyen Beslay:

Aux termes de cet accord le caractère d'établissement privé est reconnu à la Banque, et elle pourra le faire respecter en organisant un bataillon de gardes nationaux, composé des employés de l'établissement, soit en adjoignant à ce bataillon, en cas d'urgence, d'autres détachements commandés par la Commune.

Par Contre la Banque doit fournir à la Commune les fonds appartenants à la ville de Paris; et dans le cas, où ces fonds seraient épuisés, celle-ci doit faire à la Commune des avances, garanties par la remise de titres sur les biens de la ville de Paris.

Lanjolley et Carrier. „Histoire de la rév. du 18 mars“ (p. 246 ss.).

Reconnaissant à la Banque son caractère d'indispensable établissement privé, le citoyen Beslay s'engagea, au nom de la Commune, à la mettre à l'abri de toute atteinte, à la faire respecter, soit par l'organisation d'un bataillon de gardes nationaux, spécialement composé des employés de l'établissement, soit en adjoignant, s'il était besoin, d'autres détachements

Действительно де-Плек был, очевидно, заинтересован в том, чтобы отношения между Коммуной и Банком определялись специальным договором, на который он мог бы опереться в случае, если бы личная политика Белэ подверглась нападкам со стороны крайних элементов Коммуны. А эта возможность не была исключена в случае нападения Версаля на Коммуну, нападения, о подготовке которого ему было известно уже в то время, когда в Париже об этом даже не подозревали. «Эмиссары, которых я отправил в Версаль,—сообщает он,—принесли мне известие, что военные действия должны начаться в один из ближайших дней»¹⁾. А так как де-Плек опасался, что «первый пушечный выстрел (со стороны Версаля) будет сигналом к нападению на Банк»²⁾, то ему необходимо было выяснить вполне определенно, каких жертв потребуют от Банка, чтобы он мог обеспечить свою неприкосновенность и свой кажущийся нейтралитет в предстоящей борьбе и одновременно добиться санкционирования этих жертв со стороны Версаля. Вот почему 2 апреля, как раз за несколько часов до «первого пушечного выстрела» версальской артиллерии, он отправляется к Тьеру. Естественно, что Белэ, который, несомненно, был причастен ко всей этой комбинации, добился для де-Плека пропуска в Версаль³⁾.

Версальское правительство принуждено было, скрепя сердце, согласиться на финансирование Банком ненавистной ему революции. Это согласие было необходимо де-Плеку не только потому, что он был чиновником, зависевшим от версальского министра финансов, но и потому, что иначе невозможно было бы добиться от государства возмещения «жертв», которые Банку предстояло понести⁴⁾. Обеспечив таким образом интересы банковских акционеров, с которыми он принужден был считаться не менее, чем с своим начальством, де-Плек возвратился в Париж с мудрой решимостью свести к минимуму неизбежный «расход на Коммуну». В этом ему должен был помочь не только Белэ, но, как мы увидим ниже, и министр финансов самой Коммуны.

Те странные на первый взгляд привилегии, которыми пользовался Банк за все время осады Парижа версальцами, могут быть до мельчайших деталей объяснены из факта существования соглашения. Так, напр., известно, что на всех государственных и общественных зданиях Парижа развешивалось

commandés par la Commune. A ces conditions une entente fut conclue. La Banque devait, fournir à la Commune, sur un récépissé de M. Beslay, les fonds de la ville qu'elle possédait en dépôt, et dans le cas où ces fonds seraient épuisés, elle devait faire des avances garanties, par la remise de titres sur les biens de la ville de Paris.

1) Enquête parl., p. 392.

2) Ibid.

3) Вот текст пропуска, приведенный Дю-Каном:

Permis au citoyen Ploëuc gouverneur de la Banque, aller et revenir de Versailles. Paris, le 1-er avril 1871. Le délégué civil à l'ex-préfecture de Police: Raoul Rigault.—Риго подписал пропуск, очевидно, даже не прочитав его (текст написан не рукой Риго), ибо в противном случае, он не позволил бы титуловать де-Плека „директором Банка“.

4) Ср. Hanotaux, Hist. de la France contemp, I. p. 187: „La Banque de France pay... sa rançon, en avançant (avec l'autorisation du gouvernement de Versailles) l'argent nécessaire à la solde des „30 sous“.

красное знамя, знамя революционной Коммуны ¹⁾). Только Банк, который был, конечно, принужден спустить свой трехцветный флаг, не поднял взамен его никакого другого: ведь он, согласно договору, рассматривался, как учреждение нейтральное.

Или другой пример. 3 апреля был опубликован декрет Коммуны о частных формированиях. «Принимая во внимание, говорилось в декрете, что различные государственные и частные учреждения в Париже сформировали из своих служащих всех категорий особые отряды нац. гвардии; что эти отряды до сих пор уклонялись от несения регулярной службы; что в этом заключается злоупотребление, опасное для общей безопасности, и нарушение принципа равенства,—Коммуна постановляет: эти специальные отряды будут немедленно влиты в батальоны национальной гвардии; они приступят тотчас же к перевыборам своих офицеров» ²⁾).

Этот декрет, повидимому, был строго проведен в жизнь, хотя и не дал того эффекта, на который рассчитывала Коммуна. Отряды служащих разных учреждений не пополнили собою рядов нац. гвардии, но были просто расформированы и частично выдали имевшееся у них оружие. Такая участь постигла, например, батальоны, организованные крупнейшими магазинами Парижа—«Лувром» и «La Belle Jardinière» ³⁾).

Но Французский Банк и здесь был исключен из общего правила. Он не только сохранил неприкосновенным свой отряд из 430 человек, но не выдал ни одного из ружей новейшей системы, в которых защитники Коммуны испытывали большую нужду.

Де-Плек пытался впоследствии объяснить этот факт самым неправдоподобным образом: он будто бы разыскал в архивах Банка закон 1792 г., в силу которого служащие крупных учреждений в моменты опасности для родины остаются на своих постах, и будто бы почтенная дата этого закона заставила представителей Коммуны отказаться от применения к Банку декрета 3 апреля ⁴⁾). Но непонятно, какое отношение закон 1792 года имел к отряду банковских служащих и почему его действие было распространено только на Банк. Если бы де-Плек решил посвятить парламентскую комиссию в свое соглашение с Коммуной, то ему не пришлось бы прибегать к подобным натяжкам. Но ни ему, ни подавно правительству Тьера не было удобно оглашать факт, который объяснил бы самым естественным способом «чудо» спасения Банка, свел бы на-нет все «мужество» его защитников и самого де-Плека и сделал бы невозможным обвинение Коммуны в попытках отдать на разграбление «национальные богатства».

Вот еще один любопытный эпизод, который, думается мне, косвенно подтверждает существование договора между Коммуной и Банком.

2 мая, на следующий день после избрания Комитета Общественного Спасения, Журд заявил, что он слагает с себя полномочия финансового

¹⁾ См., напр., Ed. Moriac, Paris sous la Commune, p. 183 и d'Arsac, La guerre civile et la Commune, p. 149.

²⁾ J. O. 3/IV, ср. Procès-Verbaux, p. 108.

³⁾ Ludovic Hans, Second siège de Paris, стр. 58.

⁴⁾ Эту сказку повторяет и M. du Camp, о. с., III, стр. 258 сл.

делегата. Он мотивировал свою отставку тем, что—с точки зрения кредита и средств, которые он из него извлекал,—положение финансового делегата меняется после избрания Комитета Общественного Спасения. «Возможно, заметил он, что мои опасения в связи с избранием Комитета и вытекающими отсюда последствиями так же мало обоснованы, как и страхи финансовых кругов по этому же поводу. Но с моей точки зрения мне невозможно продолжать нести обязанности, которые вы мне доверили». Когда Бильорэ,— заметим, член финансовой комиссии—возразил на это, что опасения Журда неосновательны, так как «19 марта был день ужасный для кредита, и однако Банк дал нам один миллион», то он получил следующий ответ: «Французский Банк не обязан (*n'est pas tenu*) еще раз сделать то, что он сделал 19 марта; для Коммуны представляет максимальный интерес щадить это учреждение и даже помогать ему» ¹⁾).

Эти слова, таинственный смысл которых можно понять, только исходя из соглашения, показались настолько убедительными, что никто не сделал попытки их парировать. Журд был прав: финансовая комиссия, точнее—ее делегат мог поддерживать «легальные» связи с Банком и пользоваться там кредитом, поскольку в своих неограниченных полномочиях он видел гарантию сохранения в силе договора с де-Плеком, который он заключил или санкционировал. Но Комитет О. С. никаким договором не был связан и мог поэтому изменить всю политику Белэ и Журда, мог перевернуть все налаженные отношения. Конечно, Журд был прав только с точки зрения своих неправильно понятых обязанностей главного кассира Коммуны, который должен обеспечить для нее регулярный приток денежных средств и в котором интересы революционера были поглощены заботами добросовестного и методического счетчика. Но Коммуна имела очень смутное представление о роли и об источниках «кредита» в эпохи революции и, главное, вовсе не хотела ссориться с теми «финансовыми кругами», которые разделяли опасения Журда. Поэтому она сохранила своего фин. делегата и тем самым молчаливо признала, что ее Комитет Общественного Спасения не в праве менять финансовую политику Журда.

А между тем эта политика, которая, по словам Андрие, выродилась в настоящую финансовую диктатуру ²⁾, приводила к самым печальным последствиям.

Журд как-то заметил, что успех всякой революции обусловлен хорошим состоянием ее финансов ³⁾. И он наивно верил, что равновесие бюджета, какой бы ценой оно ни было достигнуто, свидетельствует об их хорошем состоянии. Построить бюджет на регулярных налоговых поступлениях во время осады и бомбардировки Парижа, во время гражданской войны у самых стен революционной столицы, было уже само по себе чистейшим безумием.

1) J. O. № 124.

2) ... „les délégations et particulièrement celle des Finances, se croient des dictatures“. Procès-Verbaux, p. 311.

3) Cp. J. O., № 124: „C'est dans nos finances, selon moi, qu'est le salut de la Commune et de la République“.

Но построить его на обложении тех масс населения, на которые опиралась революция, уже граничило с преступлением. Между тем Журд именно так и поступил, сохранив в неприкосновенности налог на ввозимые в Париж продукты питания, т. н. *ostrois*. Еще будучи финансовым делегатом Центрального Комитета, Журд подписал распоряжение о том, что этот налог, крайне непопулярный среди парижских рабочих, будет взиматься попрежнему *comme par le passé* ¹⁾. Но тогда это могло быть оправдано нежеланием Ц. К. предвосхитить реформу, которую должна была в этой области произвести Коммуна. Но постановление финансовой комиссии от 1 апреля, касавшееся только реорганизации службы в *ostrois*, как бы давало понять, что Коммуна, нуждаясь в средствах, не собирается даже уничтожить эту несправедливую систему обложения ²⁾. Нельзя сказать, чтобы Журд не понимал всей важности этого вопроса. 2 мая он заявил в собрании Коммуны, что намеревается представить проект о снижении наполовину косвенного налога ³⁾. Повидимому, это должно было стать лишь первым шагом на пути к задуманной им полной реорганизации финансов и распределения налоговых тягот. По крайней мере, имеются сведения о том, что после поражения Коммуны в министерстве финансов были найдены рукописи, доказывающие наличие широко разработанного проекта в этом направлении ⁴⁾. Но дальше проектов дело так и не пошло, ибо реформа сразу нарушила бы с трудом установленное бюджетное равновесие Коммуны.

Расстаться с *ostrois* было для финансистов Коммуны трудно еще потому, что этот налог всегда составлял важнейший источник доходов города, и, так обр., взимая его, Коммуна не вторгалась в государственные финансы, что для политических убеждений большинства финансовой комиссии было большим облегчением ⁵⁾. И точно таким же стремлением не выходить за пределы узко-муниципальных доходов характеризуются замечаемые с конца апреля лихорадочные поиски новых источников средств для сохранения бюджетного равновесия.

Я сказал: лихорадочные поиски. И действительно, иначе нельзя определить ту деятельность, которую Журд развивает в это время. Вот несколько сюда относящихся фактов.

21 апреля он обращается в Банк с просьбой авансировать Коммуне 2 миллиона под залог обязательств государственного казначейства, но получает только 750.000 ⁶⁾.

---

1) J. O. № 83.

2) J. O. № 92 (2/IV) cf. *Livre noir*, p. 264.

3) J. O. № 124.

4) *L'Agonie de la Commune*. Paris en feu. Bruxelles, s. d., p. 25. „Un employé du ministère a pu recueillir sur le bureau un copie-de-lettres, très curieux, dit-on, et qui prouve que la Commune se préoccupait fort du remaniement de nos finances et de l'impôt“.

5) В фин. комиссию, помимо Журда, входили: Варлэн, Белэ, Виктор Клеман и Бильоре (а до него Режер). Из них Клеман был столь умеренных взглядов, что его даже в следственной комиссии кто-то назвал „человеком почтенным“; революционные убеждения Белэ нам уже известны. В оппозиции мог быть только „крайний“ Бильоре, которого Журду навязало „большинство“ Коммуны вместо выжитого им—тоже „крайнего“—Режера.

6) Colmont, *Historique de l'incendie etc.*, p. 230.

26 апреля он публикует принятый Коммуной декрет о том, что все письма, хотя бы оплаченные почтовым сбором вне Парижа, должны вновь оплачиваться при получении их адресатами (J. O. № 116). 28-го он требует от железнодорожных компаний уплаты причитающегося с них за истекшие месяцы налога, но лишь в той части, которая по прежним правилам шла в пользу Парижа (J. O. № 118). 2-го мая это требование распространяется на круговую железную дорогу, проходящую в черте города (J. O. 122). 6-го мая он делает попытку заложить в Банке ценные бумаги, найденные в кассе м-ва финансов. (Enquête, p. 394). 16-го мая он особым декретом надеется заставить страховые общества, чтобы они уплатили за несколько месяцев узаконенный штемпельный (гербовый) сбор. (J. O. № 136). 18-го он лишает ряд компаний, взявших в аренду парижские рынки и сдававших их от себя торговцам, предоставленных им концессий за неуплату ими арендной платы и постановляет, что впредь все доходы от рынков будут поступать непосредственно в кассу финансовой комиссии. (J. O. № 138).

И. подумать только, что вся эта деятельность была в значительной степени вызвана тем, что фонды текущего счета г. Парижа—9.400.000 фр.—во Французском Банке истощились, и Журд не решался более прямым и действительным путем получить нужные средства, так как этот прямой путь означал нарушение «нейтралитета» Банка.

Правда, в середине мая, Банку пришлось, как это было, впрочем, обусловлено договором о его нейтралитете, согласиться на выдачу ежедневных авансов в 400 тыс. фр.—сумма, как раз достаточная для выплаты «30 су», но эта подачка, конечно, не могла спасти Коммуну от постоянных финансовых затруднений.

Что подобная система финансирования революции значительно парализовала ее оборонительные силы, особого доказательства не требует. Однако несколько деталей, которые можно привести в связи с этим, дают любопытную иллюстрацию финансовой беспомощности Парижской Коммуны.

При недостатке средств можно было, по мнению Журда, спасти бюджетное равновесие только одним путем: применением самой жесткой экономии во всех расходах. «Когда у меня требуют, откровенно заявил он в заседании 24 апреля, 200.000 фр., осведомляюсь об их употреблении и стараюсь дать только 50.000, если хватит и этого»¹⁾. Но откуда Журд мог знать, что для военных операций хватит 50 тысяч, когда у него требуют 200,—это уже его секрет, в который он не захотел посвятить Коммуну.

В связи с этим заявлением Биар принужден был напомнить финансовому делегату, что экономия хороша лишь тогда, когда она не вредит интересам защиты, и Журд, который сразу понял, на что намекает его оппонент, подчеркнул еще более в своей реплике, что он считает себя верховным судьей в вопросах о целесообразности тех или иных расходов. «Мне предложили, объяснил он, купить дешево тысячу прусских лошадей за 400.000 фр. Я ответил, что их можно реквизировать, но я подобной

1) Procès-Verbaux, p. 443.

сделки никогда не совершу». Таким образом, финансовая мудрость Журда решила, что организация конницы, которая могла бы хоть отчасти парализовать деятельность версальских раз'ездов, является для Коммуны слишком большой роскошью.

Такою же роскошью было, очевидно, снабжение маршевых батальонов нац. гвардии скорострельными ружьями. В Париже имелось 15.000 таких ружей, но они принадлежали иностранному подданному; поэтому их нельзя было реквизировать. Но чтобы приобрести их, нужны были средства, которыми Журд не располагал¹⁾.

Недостаток в средствах, конечно, не мог не действовать разлагающим образом на многих рядовых защитников Коммуны. 16 мая военная делегация получает тревожное письмо: в Военной школе, главной базе артиллеристов, имеется всего 30.000 фр. Этой суммы не хватает для самых настоятельных расходов. Артиллеристы не получают жалованья и отказываются служить²⁾. «Батареи des Enfants perdus, сообщается там же, за два срока не уплачено жалованья; обслуживающий персонал не имеет ни вооружения, ни одежды». 22-го апреля Анри Фортюнэ делает в Коммуне доклад об ужасном состоянии защитников форта Исси: люди без одеял, без панталон, спят на голой земле и мокнут под дождем; вдобавок у них нет обуви, и Фортюнэ никак не мог добиться выдачи им сапог³⁾.

Можно было бы подумать, что все эти факты—а число их легко умножить—следует отнести за счет беспорядка, царившего в интендантстве или в военном командовании. Но имеется ряд других фактов—я приведу лишь самые характерные,—которые делают неудовлетворительным только такое об'яснение.

3-го мая Лефрансэ поднял вопрос о том, почему Коммуна допускает, чтобы увечные и раненые нац. гвардейцы или их семьи жили за счет частной благотворительности. Он видел на улицах Парижа оркестр, составленный из нац. гвардейцев различных батальонов, которые производили сборы в пользу семейств убитых и раненых. Оркестр имел соответствующее разрешение от членов Коммуны. Лефрансэ навел справки: оказалось, что это было не единичное явление. «Я считаю, заключил он свое сообщение, что подобные процессии унижительны и недостойны Коммуны, недостойны и тех, во имя которых производились и самые сборы»⁴⁾.

Выступление Лефрансэ вызвало всеобщее одобрение. Тогда один из подписавших разрешение на сбор пожертвований, Дерер, об'яснил, что эта идея возникла впервые в совете легиона XVIII округа, и он добавил: «Но эти сборы приносят свою пользу. Они дали 4.000 фр. Когда в округе име-

1) Procès-Verbaux, p. 385. Впоследствии Журд не постеснялся указать на этот факт версальским судьям, как на смягчающее его „вину“ обстоятельство. „Я не выбрасывал на ветер денег, воскликнул он на суде, я платил только нац. гвардии, а не отрядам волонтеров (corps francs). Я отерочил также покупку пяти тысяч шапо, по 72 франка за штуку“... См. показания Журда перед военным судом в Gazette des Tribunaux, 7 au 31 août 1871, цит. у Colmont, ук. соч. стр. 220.

2) Dauban, le fond de la société sous la Commune, стр. 318.

3) Procès-Verbaux, p. 385.

4) J. O. № 125.

ются раненые или убитые, я имею возможность выдавать по 100 франков вдовам и по 25—50 франков раненым. И поэтому я мог не требовать для этого денег у финансовой комиссии. Я сожалею о факте нищенства, который имел место, но ведь это позволило нам сделать доброе дело».

Коммуна перешла после этого к очередным делам. Объяснения Дерера ни в ком не встретили отпора. Очевидно, его аргументы оказались довольно убедительными: ведь сборы несколько облегчили положение финансов! И как бы ни возмущались члены Коммуны фактами, которые сообщил Лефрансэ, они чувствовали себя бессильными перед финансовыми затруднениями. Не Коммуна управляла своими финансами, а финансы ею. И это должно было оставаться так, пока оставался неприкосновенным Французский Банк, пока сохранилась система жесткой экономии, поддерживаемая Белэ и Журдом. То, что эта экономия дискредитировала революционную власть, их, очевидно, не смущало. Виар возмущался тем, что какая-то женщина, которой, согласно декрету Коммуны, полагалось пенсионное обеспечение, обивала пороги разных учреждений и ничего не добилась¹⁾. На этой почве, как нам известно, разыгрывались иногда сцены траги-комического характера, когда кому-либо из жен нац. гвардейцев приходила в голову мысль просить помощи в Центр. Комитете. Последний имел в своей кассе несколько десятков франков, и ему приходилось уделять иногда значительную часть своего времени решению вопроса о том, выдать ли вспомоществование в размере пяти или же десяти франков²⁾. Но зато Белэ имел возможность с торжеством заявить, указывая на финансовый отчет Журда: «Легко видеть всем занимающимся финансами, что финансовое положение Коммуны очень благоприятно»³⁾.

Однако парижские рабочие, которые финансами не занимались, повидимому, не склонны были разделять оптимизм Белэ и далеко не были в восхищении от бюджетной эквилибристики Журда. Конечно, те несколько тысяч нац. гвардейцев, которые стойко держались под уничтожающим огнем версальской артиллерии и сознательно шли на смерть за идею социальной революции, могли не придавать существенного значения тому, делает ли Коммуна в настоящий момент все, что необходимо для облегчения их службы, для обеспечения их жен и детей. Они верили в Коммуну, верили в светлое будущее, которое она им обещала. Но для массы парижского пролетариата вопросы материального характера, немедленное улучшение их положения, достижение непосредственных и осязательных результатов революции было делом далеко не второстепенным. А между тем финансовая политика Коммуны, скудость ее бюджета (1.000 фр. на народное образование!), жесткая экономия, обрекавшая защитников Коммуны на ненужные лишения, а их семьи на зависимость от общественной благотворительности,—все это не могло не действовать самым расхолаживающим образом на массу. На деятельность Журдов и Белэ значительная часть рабочих ответила уклонением от действительной военной службы.

1) Ibid.

2) Enquête parlementaire, p. 484 и 492.

3) J. O. № 125.

Помимо этого пассивного, так сказать, неодобрения финансовой политики Коммуны, имеются явные следы попыток оказать на нее или ее представителей известное давление в этом отношении. Об этом свидетельствуют, прежде всего, некоторые письма, опубликованные Добаном, к сожалению, в очень урезанном виде. Так, некий Буйо пишет 3-го мая Росселю: «...Платите гражданину, который идет на передовые позиции, по крайней мере, два франка в день, издайте декрет, в силу которого ему будет предоставлено после окончания войны пять франков за каждый день пребывания на службе—за счет имущества дезертиров... Как! Вы платите солдатам 30 су! Америка платила им свыше доллара ...Право же, чего вам опасаться; у Коммуны нет долгов: она не признает долгов Империи; вы можете задолжать миллиард, но Париж будет спасен»¹⁾. Аналогичную, по видимому, мысль развивает Жюль Андрие в своем письме от 15-го мая²⁾. Еще в одном письме (неизвестного автора) Коммуне посылается резкий упрек в том, что она слишком бережно относится к «старым экономическим предрассудкам», что она не провела «ни одной революционной меры, как это понимает народ»³⁾. Кольмон, чиновник версальского правительства, собравший в своей книге любопытные материалы по истории финансов Коммуны, точно так же сообщает факты, подтверждающие наличие давления на финансовую комиссию со стороны парижского революционного общественного мнения⁴⁾. В связи с этим Кольмон делает следующее характерное замечание: «Нужно быть благодарными некоторым из них (т.-е. членов Коммуны) за те неслыханные усилия, которые они должны были делать, чтобы не декретировать плачевных мероприятий, каковые требовались от них ежедневно»⁵⁾.

Гораздо красноречивее, чем все эти довольно случайные указания, те факты из истории взаимоотношений между Коммуной и Банком, в которых особенно ясно чувствуется настойчивое стремление революционного пролетариата побудить Коммуну к решительным действиям.

13 апреля Исполнительная Комиссия узнала, что т. н. «бриллианты короны» были сданы на хранение Французскому Банку. Комиссия немедленно потребовала их выдачи. Но де-Плек, не знавший, что бриллианты еще перед осадой Парижа были из Банка вывезены, упорно отрицал самый факт сдачи их на хранение. Конечно, для него не составило большого труда убедить в этом Белэ и заставить его повторить эту ложь в Исполн. Комиссии. Это был очень рискованный шаг, который мог легко дискредитировать не только правление Банка, но и делегата Коммуны, так как комиссия имела в своих руках документальное подтверждение передачи бриллиантов Банку. Легко понять, какая участь могла бы постигнуть это учре-

1) Dauban, o. c., p. 182.

2) Ibid., l. c.

3) Ibid., p. 187.

4) Historique de l'incendie du ministère des finances par M. A. de Colmont, ancien chef de bureau au Ministère des Finances, Paris. 1882, p. 275 ss.

5) O. c., p. 288. „On doit savoir gré à quelques uns d'entre eux des efforts inouis qu'ils ont, du faire pour ne pas décréter les mesures déplorables qui leurs étaient journellement demandés“.

ждение, если бы Коммуна пожелала действовать сколько-нибудь решительно и если бы не выяснилось, что бриллианты были вывезены из Парижа еще до осады. В словах Амуру, выступившего в комиссии по делу о бриллиантах, содержится прямая угроза по адресу Банка. «Необходимо, сказал он, занять Банк вооруженными силами, ибо он стал на явно враждебную нам и реакционную позицию; он весь заражен монархизмом; это вызывает неудовольствие республиканской части населения. Банк не имеет права уклоняться, под пустым предлогом, от подчинения законам. Так как он не желает подчиниться, то мы его займем и будем управлять им» ¹⁾.

Недаром де-Плек говорил впоследствии, что 13 апреля был для него „днем очень большой опасности“ ²⁾. Вражда „республиканской“, — правильной было бы сказать — пролетарской, части населения Парижа по отношению к Франц. Банку в заявлении Амуру прорвалась, наконец, наружу. Но Коммуна пока еще не поддавалась подобным настроениям, как это видно из письма Делеклюза от 13 апреля с директивами финансовой делегации, письма, в котором влияние Белэ чувствуется еще очень сильно:

Исполнительная комиссия

13 апреля

Граждане финансовые делегаты!

«Исполнительная Комиссия, заслушав доклад гр. Белэ, считает, что прежде чем применить по отношению к Банку какие-нибудь репрессивные меры, было бы удобнее, чтобы упомянутый гражданин Белэ предпринял шаги, с целью добиться мирным путем выдачи бриллиантов короны, и только в случае неуспеха применить силу...

Комиссия просит вас видеть в этих указаниях только желание сохранить неприкосновенными связи между Коммуной и финансовым учреждением, которое нам было и будет еще полезно».

Таким образом, если сопоставить это письмо с речью Амуру, то противоположность двух точек зрения — одной, разделяемой революционным пролетариатом, и другой, господствующей в Коммуне, — выступает особенно сильно. Не менее резко эта противоположность сказалась позже в инциденте с парижской газовой компанией. 21 апреля батальон нац. гвардии (208-й, из Менильмонтана, рабочего предместья Парижа) произвел обыск оружия в конторах газовой компании и конфисковал ее кассу — 183,210 фр., которые были немедленно переданы Коммуне. Последняя, однако, отнеслась отрицательно к этому покушению на „частную“ собственность и вернула деньги по принадлежности ³⁾. Если верить Видье ⁴⁾, Коммуна отказалась от этих денег только потому, что они должны были будто бы пойти на уплату жалованья рабочим газового завода; но объяснение реакционного

¹⁾ Du Camp, о. с., III, p. 267.

²⁾ Enquête parl., p. 393: „Le 13 avril fut un jour de très grand péril“.

³⁾ Du Camp, о. с., III, p. 278.

⁴⁾ Vidieu, Histoire de la Commune, Paris 1871, p. 309.

автора, прибегающего на каждом шагу к грубейшим передержкам, не заслуживает и здесь ни малейшего доверия. Поступок Коммуны находится в полном соответствии со всей ее политикой по отношению к собственности учреждений, не принадлежащих государству. Конфискация кассы газовой компании требовала а fortiori конфискации кассы Французского Банка. Отказываясь сделать и то и другое — притом из принципиальных соображений, а не по причине нецелесообразности конфискации, — Коммуна оказалась ниже революционного сознания выдвинувшей ее массы.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим попытку захвата Франц. Банка, которая была сделана 12 мая по инициативе, вероятно, Комиссии Общ. Безопасности. В этот день тот же 208-й батальон, но подкрепленный отрядами «Мстителей Флуранса» и «Гарибальдийцев», окружил здание Банка, занял все его выходы и прекратил движение на прилегающих улицах. Эта операция, повидимому, имевшая целью изолировать Банк и воспрепятствовать его обращению за помощью к Коммуне, производит впечатление подготовки к осуществлению тщательно и во всех деталях задуманного плана. Руководивший ею комиссар Общ. Безопасности Лемусси заявил встревоженной администрации Банка, что он имеет полномочие произвести обыск во всех помещениях, и потребовал, чтобы сопровождавшим его отрядам был открыт в них доступ. Что речь здесь шла не об одном только обыске, нетрудно было догадаться: Лемусси не мог удовлетворительно объяснить, зачем ему нужно было стянуть к Банку столь значительные вооруженные силы для выполнения этого поручения. Когда ему было затем предложено осмотреть все помещения в сопровождении одного Белэ, он решительно отказался. Очевидно, его задача заключалась в том, чтобы ввести, под предлогом обыска, нац. гвардейцев внутрь Банка, после чего их нетрудно было бы там и оставить. Коммуна, поставленная перед совершившимся фактом, вряд ли нашла бы после этого возможным удалить оттуда свои отряды, так как ее большинство обнаруживало в это время склонность к самым решительным действиям, а Комитет Общественного Спасения, от имени которого была сделана эта попытка захватить Банк, и подавно не отказался бы ее санкционировать. Когда выяснилась неудача предприятия 12 мая, Комитет, правда, заявил, что он к этому делу не имел никакого отношения; но это был, несомненно, чисто дипломатический шаг, ничего не говорящий о том, как отнесся бы Комитет к захвату Банка, если бы таковой произошел. Письмо Груссэ от 11 мая, которое небезынтересно здесь привести, свидетельствует скорее о том, что среди «крайних» членов Коммуны тенденция к репрессиям против Банка сказывается уже очень сильно:

Комиссия внешних сношений военному министерству

Париж, 11 мая 1871 г.

«Французский Банк, внутренняя первоклассная стратегическая позиция, все время, начиная с 18 марта, продолжает быть занятым 12-м батальоном (составленным из служащих); он заключает в себе тайный

склад скорострельного оружия, полученного в обмен на пистонные ружья от дезертиров, которым угрожал обыск. Можно утверждать, что Банк представляет собою настоящий генеральный штаб внутренней реакции и сборный пункт для бесчисленных версальских агентов, которыми кишит Париж» ¹⁾).

Таким образом, накануне 12 мая военное командование получает— в слегка скрытой форме—предложение занять Банк. Если принять во внимание, что в деле 12 мая участвовало по крайней мере четыре батальона ²⁾, которые вряд ли могли находиться в распоряжении Комитета О. С., а тем более Комиссии Общ. Безопасности, то можно думать, что в военном министерстве сделали из письма соответствующие выводы. Во всяком случае мы в праве утверждать, что удар по Банку, а вместе с тем и по защищавшему его умеренному «меньшинству» предполагалось нанести после известной подготовки, в которой принимали участие ответственные деятели Коммуны. Но именно потому, что сторонники захвата Банка предпочли действовать путем своего рода заговора против «меньшинства» и не рискнули выступить с открытым предложением в самой Коммуне, вся эта затея провалилась. Странный характер всего этого предприятия, которое представляется в виде заговора или сговора отдельных лиц и даже комиссии против умеренной финансовой делегации, объясняется сложной обстановкой внутренних раздоров в самой Коммуне, борьбой между двумя ее важнейшими группировками, протекавшей крайне болезненно и бурно, потому что господствующее «большинство» сознавало необходимость сохранения, перед надвигающейся военной катастрофой, внешнего единства революционной власти.

С этой точки зрения становятся понятными и некоторые частности изложенного здесь события. Прежде всего, не случайно, что для обыска в Банке был выбран день, когда Белэ, перенесший накануне тяжелую операцию, лежал больной в постели. Вызванный срочной запиской де-Плека он тем не менее явился и, после бурных объяснений с Лемусси и с командирами батальонов, настоял на их удалении из округа Банка. Ему удалось этого добиться потому, что он действовал, как официальный представитель власти, авторитету которого Лемусси не мог противопоставить каких-либо определенных и более широких полномочий. В ответ на заявление комиссара О. Б., что он должен произвести обыск по поручению Коммуны, Белэ имел формальное право воскликнуть: «Здесь я представляю Коммуну!» После этого Лемусси, который не получил никаких дальнейших указаний от своего начальства, принужден был увести свои отряды, но и Белэ сделал вполне логический вывод из создавшегося положения, когда немедленно послал Коммуне свою отставку.

Приняв отставку своего делегата, Коммуна подтвердила бы решение завладеть Банком; сохранив полномочия Белэ, она должна была бы вынести

---

¹⁾ Цит. Дю-Каном, ук. соч., т. III, стр. 315 сл. Дю-Кан утверждает, что держал это письмо в своих руках; у нас здесь нет оснований заподозрить его в сочинительстве.

²⁾ Там же, стр. 323 сл.; ср. *Enquête parlem.*, I. c.; *Lanjolley et Carrier, Histoire de la révolution du 18 mars*, стр. 460 сл.; *Lucien le Chevalier, La Commune de 1871*, стр. 135 сл.

порицание или даже наказать людей, виновных в действиях против Банка помимо ведома полномочного делегата при этом учреждении. Коммуна сохранила Белэ; но не дала ему ни малейшего удовлетворения, не распорядилась даже произвести расследование о событиях 12 мая ¹⁾. Вся нелогичность такого поведения целиком вытекает из упомянутой выше сложной политической обстановки и нежелания дать новую пищу внутренним разногласиям. Впрочем, как раз в это время борьба между «большинством» и «меньшинством» достигла максимального напряжения, и пленум Коммуны между 12 и 18 мая фактически не созывался. А в лихорадочной атмосфере последних дней такие эпизоды, как неудавшийся захват Банка, быстро стирались и исчезали под давлением все новых неудач, приближавших трагическую развязку.

В заключение заслуживает быть отмеченным еще один факт, отчасти разъясняющий, как мне кажется, причины выступления 12 мая. Через два часа после того, как удалились батальоны, окружавшие Банк, туда явился Журд и потребовал у де-Плека, чтобы он согласился предоставить нац. гвардии по крайней мере несение внешней караульной службы в Банке. Нужно знать Журда, его преклонение перед «важнейшим кредитным учреждением Франции», чтобы понять, что он решился на этот шаг, да еще без предварительного соглашения с Белэ, под влиянием чьего-то постороннего давления. Ему нужно было, во что бы то ни стало, добиться от де-Плека хотя бы минимальной, чисто внешней уступки, которая помогла бы ему хоть немного разрядить атмосферу вражды и ненависти революционных кругов по отношению к Банку и, может быть, спасти престиж органов власти, замешанных в деле 12 мая. Ему не удалось это посредничество, т. к. он не разделял настроения революционных масс и упорно стоял на точке зрения необходимости охранять нейтралитет Банка. Он отступил перед доводами де-Плека, как ранее Коммуна и К. О. С. отступили перед доводами Белэ: у них не было той твердой уверенности в целесообразности захвата Банка, которая—в неоформленном виде—имелась у борющегося парижского пролетариата.

Нам нужно теперь выяснить, каковы же были эти доводы и почему они производили столь сильное влияние на представителей революционной власти, мало искушенных в вопросах финансовой политики. Вот как приблизительно формулировал Белэ свои доводы в пользу сохранения неприкосновенности Французского Банка.

«Захват Банка не может повысить шансы Коммуны на успех; наоборот, этот поступок может сильно ей повредить. В первый момент овладение Банком нанесет страшный удар версальскому правительству, Коммуне, всей стране, кредиту Франции и деловому миру, связывающему в настоящее время все народы в одно неразрывное целое. Но немедленно вслед за этим первым потрясением против кого обратится акт насилия и спoliации?... Только против Коммуны и Парижа. Ибо при известии о

¹⁾ Белэ, несмотря на это, не настоял на своей отставке, так как де-Плэк и ряд других заинтересованных лиц из финансовой буржуазии убедили его остаться на посту защитника Банка.

захвате Банка Версаль аннулирует банкноты и выпустит другие, с другим рисунком; об этом будут немедленно оповещены Франция и весь мир; кредит и положение Банка не поколеблются, так как его наличность находится вне Парижа. А что выиграет от всего этого Коммуна? Получит на 50 миллионов обесцененных бумажек, на которые нельзя будет купить и фунта хлеба»¹⁾.

И наконец, как *ultima ratio*, соображения морального характера:

«Недопустима борьба с реакцией при помощи средств, которые могли бы дискредитировать дело пролетариата в глазах всего человечества. Как? В тот момент, когда четвертое сословие впервые в истории делает решительный шаг вперед, в тот момент, когда пролетариат организует правительство и заставляет услышать свой голос, он начнет с того, что скажет врагу:» «В ознаменование моего возвышения я ограблю тебя на 3 или 4 миллиарда». Как! Реакционеры вот уже полвека обвиняют социалистов в том, что они воры и грабители, и Коммуна подтвердит это обвинение, начав свою деятельность экспроприацией государственного и частного капитала на сумму в три миллиарда!»²⁾.

Нам теперь нетрудно доказать всю недобросовестность этой казуистической аргументации. Начав с того, что захват Банка подорвал бы его кредит, вместе с ним и благосостояние Франции, которая погибла бы под двойным бременем военного поражения и финансового банкротства, он затем, не смущаясь, заявляет, что кредит Банка поколебать невозможно, т. к. его главные ценности находятся вне Парижа. Указав, что Коммуна нашла бы в кладовых Банка только 50 миллионов банкнотами, он говорит далее о трех или четырех миллиардах. Ссылаясь на свои глубокие финансовые познания, он с уверенностью заявляет, что Версаль может аннулировать одни банкноты и выпустить другие, забывая: 1) что банкноты Нац. Собрания ничем не были бы обеспечены, ибо почти все обеспечение в векселях и ценных бумагах находилось в Париже, и что 2) физически невозможно изъять из обращения во Франции и за границей несколько десятков миллионов билетов и заменить их новыми³⁾.

Один пункт в этой аргументации должен был однако оказать решающее действие на членов Коммуны: вопрос об отношениях с буржуазией был здесь поставлен ребром. Либо захват Банка—и тогда разрыв со всеми ее, даже левыми, радикальными элементами и со всем «миром деловых отношений», либо нейтралитет, даже поддержка этих элементов,—но тогда неприкосновенность Банка и других кредитных учреждений⁴⁾.

1) Beslay, *La vérité sur la Commune*, p. 80 ss.

2) *Ibid.*, p. 109.

3) *Compte-rendu de la Banque de France*, p. 12, дает для декабря 1871 г. следующие цифры: 68.031.360 банкнот на сумму в 2.858.619.270 фр.; в апреле—мае того же года бумажная масса была в полтора раза меньше.

4) Журд несколько погрешает против истины, когда приписывает одному себе заслугу спасения кредитных учреждений Парижа. „Я не хотел, заявил он пред военным судом, чтобы производили реквизиции или потревожили хотя бы один банквремский дом, хотя бы одно кредитное общество, одно учреждение частного характера“... См. Кольмон, *ук. соч.*, стр. 209.

Коммуна стала на второй путь. Как здесь было уже неоднократно отмечено, она не хотела разрыва с широкими слоями мелкой и средней буржуазии, а, наоборот, стремилась привлечь их на свою сторону, демонстрируя на каждом шагу свою заботливость об их интересах ¹⁾. И этой политики—мы не будем здесь входить в ее оценку с точки зрения ее правильности или ошибочности—Коммуна придерживалась до конца своих дней. Поэтому и охранительная позиция Белэ была так сильна, несмотря на спорные или ошибочные моменты в его аргументации, несмотря на затруднительное финансовое положение Коммуны, несмотря на возраставшее неудовольствие рабочей массы, несмотря, наконец, на плохо скрытую враждебность Французского Банка по отношению к революционной власти.

Подытоживая результаты проделанной нами работы и сводя в одно целое все моменты, определявшие политику Коммуны по отношению к Французскому Банку, мы можем выставить следующие положения:

Коммуна имела возможность использовать Фр. Банк в двух отношениях: во-первых, как заложника против версальского правительства; во-вторых, как неисчерпаемый источник средств для субсидирования революции и гражданской войны. Первая цель могла быть достигнута вооруженным захватом Банка и прекращением всех его операций. Это означало бы полный разрыв с буржуазией, со всеми ее группировками. Пойти этим путем Коммуна не желала. Изолированная в Париже, отрезанная блокадой от всей Франции и остального мира, она не хотела расстаться с иллюзией, что благожелательный нейтралитет радикальной буржуазии в состоянии сказать решающее влияние на исход революционной борьбы. У нее не было—и по объективным причинам не могло быть—твердого убеждения в том, что парижский пролетариат сумеет добиться один, без всякого союзника, в атмосфере всеобщей вражды, хотя бы минимального успеха. Наконец, ей приходилось считаться с присутствием у самых ворот Парижа прусских штыков, которые в любой момент могли выйти из роли наблюдателей и реагировать самым неожиданным образом на захват Банка.

Но существовала другая возможность, которая, можно сказать, сама давалась Коммуне в руки. Она могла добиться от Банка самой широкой финансовой поддержки, которая позволила бы увеличить в десятки раз бюджет Журда, лучше организовать военные силы, развить агитационную работу, принудить к молчанию продажную прессу и к бездействию версальских шпионов... Производя энергичное и непрерывное давление на Банк, поставив под строжайший контроль своих финансовых органов все его операции, оборвав всякую связь его с Версалем, обезоружив батальон его служащих, арестовав его директора, как ставленника еще императорского правительства,—Коммуна добилась бы своей цели, не посягая на непри-

¹⁾ См., напр., Протоколы Коммуны: 1 заседание 1/III; зас. 4/IV, 6/IV, 9/IV; 2 заседание 12/IV; заседан. 13/IV, 14/IV; 1 заседание 15/IV, 17/IV и т. д. (в издании Буржева и Априо).

косновенность этого «заповедного» учреждения и не вступая в конфликт с парижской буржуазией.

Казалось, что именно на этот путь Коммуна готова была ступить. Она не признала де-Плека, поставила во главе Банка своего делегата, наделила его самыми широкими полномочиями, ее Комиссия Общ. Безопасности пыталась неоднократно арестовать де-Плека. Если эти действия не достигли своей цели и если Банк успел, несмотря на свой «нейтралитет», выдать правительству Тьера за два месяца 257.790.000 фр. ¹⁾ для борьбы с Коммуной, в то время как последняя получила только 16 миллионов, то ближайшие причины этого следует искать в неудачной структуре правительственного механизма Коммуны, в независимости и бесконтрольности ее прудонистской финансовой комиссии и в предательской роли ее делегата при Банке ²⁾.

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна
документы, исследования, публицистика:

- Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М: госполитиздат. 1956)
С.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Гос. воен. издательство. 1935)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (издание 1920 года)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира
(М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока,
Ф.В.Потемкина (М., 1961). Тт.1,2
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959)
Э.Желубовская. Крушение Второй империи
и возникновение Третьей республики во Франции (М.. 1956)
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны (М., 1961)
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа (М., 1970)
П.Антокольский. Коммуна 1871 года (поэма)
О. Вилье де Лиль-Адан. Произведения времен Парижской Коммуны

Эти и другие материалы можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

---

¹⁾ Du Camp. III, p. 296... „Pendant que la Commune harcelait la Banque de Paris pour lui soutirer quelques billets de mille francs, la Banque de France donnait des millions au gouvernement de la légalité... 257.630.000 francs furent versés par la Banque au trésor, qui les employa à l'oeuvre de la délivrance“.

²⁾ Само собою разумеется, что, придавая значение личности Беда, мы не должны затушевывать ту обстановку, в которой была возможна его деятельность, подобно тому, как указание на порочную структуру революционной власти не избавляет от необходимости искать „последних“ причин в социально-экономических предпосылках, обусловивших как эту структуру, так и ряд других обстоятельств, приведших к поражению парижского пролетариата.